

АНТОН ЧЕХОВСКИЙ

Фантастический боевик «Случайный вектор»

СЕРИЯ «МАЙОР ГОЛИЦЫН». КНИГА
ПЕРВАЯ

АНТОН ЧЕХОВ

**Фантастический боевик
«Случайный вектор». Серия
«Майор Голицын». Книга первая**

«Издательские решения»

Чехов А. П.

Фантастический боевик «Случайный вектор». Серия «Майор Голицын». Книга первая / А. П. Чехов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835389-5

...Произведение содержит описание реальных боевых операций, проводимых одним из подразделений специального назначения. Реальные события хаотично вставлены в фантастическую сюжетную линию... Фамилия главному герою выбрана не случайно. Это название места, к которому прототип персонажа имел когда-то непосредственное отношение. В поселке Голицыно Московской области находится Высшее военное пограничное училище КГБ СССР.....Итак, читайте первую книгу о приключениях майора Голицына.

ISBN 978-5-44-835389-5

© Чехов А. П.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Фантастический боевик
«Случайный вектор»
Серия «Майор Голицын». Книга первая**

Антон Чеховский

© Антон Чеховский, 2017

ISBN 978-5-4483-5389-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сказка – ложь..., но не всегда! Произведение содержит описание реальных боевых операций, проводимых одним из подразделений специального назначения (ведомственная принадлежность не указывается умышленно). Во избежание..., различных осложнений, изменены время, даты, места проведения операций и фамилии участников. Реальные события, хаотично разбросаны и вставлены в фантастическую сюжетную линию произведения. Хронология событий не соответствует действительности.

Однако, если вдруг, каким-то образом, данное произведение попадет в руки реальным участникам описываемых событий... Они, конечно, узнают автора...

Фамилии, должности и звания некоторых персонажей изменены, но узнаваемы. Так, например:

1. Майор Голицын А. С.

Фамилия засекречена. Должность засекречена. Звание (на 1993 год) соответствует.

Фамилия, главному герою выбрана не случайно. Она не отражает его родословную, как сохранившегося потомка древнего рода... Нет абсолютно никаких параллелей и с общеизвестным поручиком, воспетым русским шансоном... Это название места, к которому, прототип персонажа имел, когда-то, непосредственное отношение. В поселке Голицыно Московской области, находится Высшее военное пограничное училище КГБ СССР...

Прототип жив по н/в.

2. Капитан Николай Смирнов

Фамилия изменена. Должность засекречена. Звание изменено.

Прототип жив по н/в.

3.«Гольман»

Фамилия засекречена. Звание засекречено. Позывной реальный.

Прототип жив по н/в.

4. Профессор В. В. Даниловский

Фамилия изменена, но узнаваема.

Должность на 1993 год – руководитель Отдела теоретических исследований РАН.

Прототип убит в декабре 1997 года. Поводом для ликвидации, послужили его разработки, суть которых описана в данном произведении...

5. Полковник Владимир Голубев (должность засекречена)

Фамилия изменена, но узнаваема. Звание соответствует.

Прототип убит в 1999 году при обстоятельствах, схожих с описываемыми событиями в данном произведении...

6. Полковник Марков А. А.

Фамилия соответствует. Звание соответствует. Должность соответствует.

В 1993-м году, комендант и командир обороны Белого Дома.

Прототип умер в 2005 году...

7. Майор Воронов Валерий

Фамилия изменена. Звание соответствует. Должность соответствует.

Участвовал в обороне Белого Дома в октябре 1993 года.

Прототип жив по н/в (отбывает наказание в тюрьме с особым режимом содержания. Осужден в 2006 году, сроком на 25 лет).

8. Горюнова Т. В.

Фамилия изменена, но узнаваема.

Банковская служащая. Должность в настоящее время – предположительно заместитель главного бухгалтера коммерческого банка (название опущено)

Прототип жив по н/в.

9. Б. К. Шер

Фамилия выдумана. Должность выдумана.

Любое совпадение является абсолютной случайностью. Сюжет с участием этого персонажа – плод нездорового воображения автора!

Честно говоря, по мнению автора, это произведение ни о чем. В нем нет ярко выраженной любовной линии; нет великой дружбы и геройского самопожертвования; нет ура-патриотических настроений (хотя, автор, несомненно – патриот своей родины); главный герой не спасает мир и..., персонажи произведения не спасаются чудесным образом. Если в них стреляют – они, обязательно умирают!

Автор, просто, попытался описать, некие пережитые главным героем события и его отношение к ним.

В итоге, по мнению автора, произведение получилось в стиле, более всего подходящем под определение «Ироничный боевик с комедийным уклоном». ...В общем, в самый раз – почитать в метро, возвращаясь с работы.

В аудио версии произведение не выпускается потому, что это надругательство над понятием «досуг и отдых»! Можно было бы сказать: «Над литературой!», но объективность автора, не позволяет причислить это произведение к бессмертным литературным шедеврам... Впрочем, если честно – оно даже до понятия «литература» не дотягивает.

Итак, читайте первую книгу о приключениях майора Голицына...

Книга первая

4 октября 1993 г.
Москва. Центр.
14—00

...Выстрел прогремел неожиданно. Предатели все-таки пустили в ход артиллерию. точнее это были танки т-80 пригнанные из деревни Тарасково, что в Одинцовском районе Московской области, между двух убогих населенных пунктов с идиотскими названиями «Мыльный» и «КЭЧ».

Майор Голицын сидел, прислонившись спиной к сейфу, с которым у него была долгая и нудная беседа закончившаяся победой русского упорства над бельгийскими технологиями. Сейф стоял между двух окон на 8-м этаже здания, с недавних пор именуемого «Белый Дом». Так на американский манер было переименовано новоявленными демократами здание Дома советов.

– Болванка – автоматически отметил Голицын, когда в противоположной стене появилась бо-о-льшая дырка. – Хорошо, что не картечь.

Надо сказать, что эта самая болванка пронеслась, как бронепоезд, через все здание и причинила удивительный ущерб. Помещение сразу стало ни на что не похожим, даже где теперь входная дверь – непонятно.

«Интересно, как сюда затащили эту бандуру. Старались ведь», – майор подумал о сейфе, немного восхитившись подвигом грузчиков. Он убрал добычу в гораздо более надежное, чем бельгийский неподъемный шкаф, место – полиэтиленовый пакет стилизованный под пачку сигарет «Кэмэл»..

За те 20 минут, пока майор подбирал комбинацию цифр, контролировал вход в кабинет и поглядывал из окна на противоположный берег Москва-реки, ситуация там менялась стремительно. Бойцы, до этого мирно беседовавшие с разношерстной толпой крайне демократически настроенных придурков из числа горожан и снисходительно позволявшие некоторым, не в меру любопытным гражданским зевакам, чуть ли не в пушки головы совать, вдруг встрепенулись, в мгновение ока разогнали толпу и выставили заслон. Экипажи быстро готовили технику к бою. Голицыну осталось проверить семнадцать комбинаций. Он успел до первого залпа. Повезло. В очередной раз...

В подразделение именуемое «Управление охраны высших органов государственной власти и правительственных учреждений» он пришел из ГРУ ГШ МО СССР (России), где согласно записям о военно-учетных специальностях он был шифровальщик-радист, снайпер 1-го класса и инженер-сапер.

В свое время он воевал везде, где родине требовалось установить статус-кво с остальным миром. Потом нефтяной кризис, предатель и скотина М. С. Горбачев, следом за ним – инвалид на всю «башню» Ельцин, размахивающий верхом на БТРе покалеченной рукой – следствием легкомысленного отношения к такому серьезному понятию, как «техника безопасности»..., и все! Вместо альфа-самца СССР появилась очень сговорчивая дама Россия. И не дорогая. надо сказать. ... Сутенеры дешевили по-страшному!. Вот такой транссексуализм в планетарном масштабе. ... И сейчас, пособники этих «инициаторов хирургического вмешательства

в личную жизнь» некогда могучего государства, что зря, дырявят собственность народа из танковых орудий... Но это лирика...

В 1991-м по личному приглашению полковника Маркова А. А., который в настоящее время и командовал обороной этой последней крепости Верховного Совета, майор Голицын перевелся в подразделение по охране высших органов государственной власти. Мотивация, скажем так, была. Хорошая по этим временам зарплата, спокойная, местами даже респектабельная публика, в том смысле, что никто не хочет тебя убить, по крайней мере – сразу; возможность продвижения по службе и получения квартиры. Ну и прочее..., а в числе того самого прочего, еще и то, что это подразделение, находясь в структуре МВД, фактически подчинялось только решениям Верховного Совета, который, по мнению Голицына, все еще представлял волю народа и активно противился процессу проститутизации страны.

Бахнуло еще! На этот раз где-то ниже и левее. – Твою мать! Так ведь еще и попадут, не дай бог. Проказники! – про себя выматерился Голицын.

Он сидел на корточках привалившись спиной к сейфу. Мозг привычно просчитывал варианты действий и предположительного развития событий с одновременной инвентаризацией наличного имущества. Табельный ПМ, две обоймы к нему, АКСУ с одним магазином, картонный милицейский бронезилет и то, ради чего Голицын, собственно, и оказался в кабинете 813. Он выгреб из сейфа все: два маленьких черных бархатных мешочка, перетянутых кожаной тесемкой; американские деньги – изрядное количество; деревянную коробку с надписью «Ваширон Константин» и содержимым внутри, а также, коричневую кожаную папку «Петек» – тоже с каким-то содержимым.

Голицын, конечно же, знал пословицу о том, что если много будешь знать, то не дадут состариться, но все таки вынул папку из пакета, расстегнул молнию и достал содержимое.

То, что он увидел, было, мягко говоря, неординарным. Это были картонные скоросшиватели в количестве – два; они то как раз были самыми ординарными, а вот штампы «Совершенно секретно», «Хранить вечно» и какой-то список фамилий, якобы допущенных к чему-то там – вот они и вызвали легкое беспокойство и нешуточное любопытство майора. Фамилии «Голицын» в этом списке не было.

«Наверное, просто забыли вписать» – решил он, и открыл одну папку...

Наводка была Валеры Воронова.

...В ночь со 2-го на 3-е октября Голицын дежурил на посту №7. Странности начались после полуночи. Пост №7 – одиночный, но в 2 часа 15 минут Голицыну сообщили по рации, что к нему направлен сотрудник для усиления. Затем, около половины четвертого, к нему на пост заскочил Воронов.

– Вольните, лимитчики? – Валера подмигнул напарнику Голицына, присел на край письменного стола, за которым сидел, собственно, сам Голицын, и бесцеремонно вырвал из рук последнего газету. – А-а, «Московский комсомолец»... Ну это еще ничего. Ты бы видел, ЧТО эти извращения на 9-м читают. Кошмар! – Воронов источал, буквально, целую кучу оптимизма и жизнелюбия, что применительно к конкретной ситуации и времени суток выглядело довольно странно.

– Завязывал бы, ты с кокаином, Валерий Иванович, – сварливо пробормотал Голицын, вырвав недочитанное издание из цепких лап товарища.

Воронов, демонстративно шмыгнув носом, радостно произнес:

– Да ладно, не завидуй товарищ майор – будет, когда-нибудь и на твоей улице праздник!

– Тебе че надо, неунывающий... децибел? – на языке у майора, почему то, настойчиво вертелось слово «имбицыл», но каким то чудом, ему удалось почти без заминки поменять его на сходное по фонетике и гораздо более нейтральное по смыслу «децибел». Слегка удивлен-

ный собственной сообразительностью, Голицын отложил на край стола надоевшую уже газету, откинулся на спинку стула и потянулся. Мышцы приятно заныли.

– А, ну да. Я по делу, пошли покурим, – Воронов вдруг стал собран, напускная веселость испарилась.

– Пять минут, – бросил Голицын, напарнику, поднимаясь. Тот ответил спокойным кивком.

По коридору они шли молча. Вдруг Воронов остановился, осмотрелся, видимо сверяясь с какими-то ориентирами, прошел вперед еще метров пять и жестом подозвал Голицына.

– В общем ситуация следующая, – понизив голос до шепота, начал Валера, когда они оказались в какой-то, одному Воронову известной, точке коридора, – смена закончится – запасешься водой и провиантом. С утра здесь будет заварушка.

В голове майора сразу завертелся миллион вопросов. Но он не задал ни одного. Он был профессионал.

– Заварушка так себе, на троечку, даже с минусом., – тут же отвечая на невысказанный вопрос, поясняет Воронов. – Для таких моряков как ты – это просто брызги. Даже на ботинки не попадет, я думаю. А теперь задача....

Валерий Иванович Воронов не был начальником Голицына, по званию они оба были майоры, но ... Воронов был, до перевода в МВД, элитой элиты – сотрудником СВР. Где-то ТАМ он провалился, и, по его словам, остался не у дел. Когда он, после недолгого раздумья, принял предложение Голицына о переходе во вновь создаваемую структуру в МВД, Голицын, скажем так, слегка удивился – как его вообще отпустили, да еще в такие сжатые сроки. И за два года совместной работы на новом месте Голицын практически убедился, что Воронов В. И., основного места службы не сменил, а был, так сказать, временно командирован. С оказией. И когда Валера изложил свою просьбу-приказ, Голицыну стало лень даже спрашивать: «Откуда сведения?», «По чьему приказу?», «Кто получатель?». Ответы он уже знал. Поэтому просто кивнул.

Позиция за сейфом казалась майору наиболее безопасной в сложившихся обстоятельствах. Он решал, что делать. А вопросы были!! Содержимое папок было... невероятным. Или полным бредом, как посмотреть. Голицын решил придерживаться, пока, первой версии. В пользу этой версии, были грифы секретности на папках. Предположение, что папки настоящие, а содержимое – нет, майор пока отверг.

«Папки надо отдать. Но их НЕЛЬЗЯ ОТДАВАТЬ!! Как быть?». – Это был один вопрос.

«Опять же: психи на улицах и танки на набережной – что им надо?» – краткий инструктаж полковника на поверке, по существу вопроса, пояснений не давал.

Ситуация была неоднозначная. С одной стороны те, кто находится в Белом доме действуют на основании должностных инструкций и Конституции РФ. Но информационная часть конфликта уже провалена и фактически, теперь именно они являются мятежниками, изменниками и вообще... – крайне гнусными личностями и врагами юной демократии!

Майор, мятежником быть не хотел.

«И что теперь делать?» – это был еще один вопрос, ответ, на который требовался, по сути, еще вчера! И еще одна мысль не давала покоя майору:

«Почему первый выстрел был именно сюда, по мне? Совпадение? А может вообще вся эта заваруха из-за этих папок, а весь этот демократический шум, так – ботва для осликов?! Собственно, исходя из того немногого, что мне удалось понять, эта версия вовсе не кажется совсем уж невероятной... И еще – откуда информация у Воронова? А МОЖЕТ, ВООБЩЕ, ОН ВСЕ ЭТО ОРГАНИЗОВАЛ? КТО ОН ВООБЩЕ ТАКОЙ?»

Голицын «выключил» свою паранойю. Он знал, что при недостатке информации, основываясь на каких-то предположениях, «белое» легко становится «черным», мир меняется до неузнаваемости. «Королевство кривых зеркал» – это мир большой разведки и шпионажа

разной степени тяжести. Впечатлительные и мнительные граждане, соприкоснувшись с этим миром, как правило, рассказывали потом людям в белых халатах и понимающими улыбками на лицах, истории о заговорах, инопланетянах, эльфах и гномах.

...Телефонный звонок оторвал от нерадостных мыслей и заставил сконцентрироваться на поиске раздражителя.

– Херня какая-то. Ну и где ты звонишь? – не двигаясь с места, пытаюсь сориентироваться на звук, сказал Голицын живучему аппарату. Все-таки какие-то подозрительные блики, сильно напоминающие блеск снайперской оптики, на крыше гостиницы Украина он засек.

Среди остатков мебели, он, таки, разглядел возмутителя спокойствия. Это был серый аппарат внутренней связи.

Прикинув траекторию перемещения, с учетом возможного снайперского обстрела и тем фактом, что пыль, побелка и дым от чего-то горевшего все-таки ограничивали видимость плохим парням, он ползком добрался до аппарата.

– Городская поликлиника. Слушаю вас, – на том конце шутку не оценили, а если и оценили, то Голицын об этом не узнал. Не работал динамик, а может микрофон. В общем диалога не получилось.

– Валим, Сеня! Валим, – прошептал сам себе Голицын и рывком метнулся в проем, которого не было до того как, за перепланировку помещения взялись дизайнеры на танках.

Оказавшись в коридоре, он тут же бросился на пол и сосчитал до десяти. Стандартный противоснайперский маневр.

Одновременно с этим, он осмотрел коридор перед собой и левой рукой перевел приклад АКСУ в положение «упор», быстро перевернулся на спину, большой палец правой руки автоматически перевел предохранитель в положение «стрельба одиночными» и автомат привычно прильнул к правому плечу. Майор повел стволом.

Коридор был пуст и представлял плачевное зрелище. Внутренние стены-перегородки все в дырах. Болванка пробила их навывлет, запах жженой проводки, пыль и, почему-то, вырванный паркет на полу.

«Да, хороший паркет», – уже наверное в сотый раз отметил про себя Голицын, направляясь к лестнице в правом крыле. На лестнице, он перекинул автомат за спину и подтянул ремень, чтобы тот не болтался. Из штатной кобуры достал пистолет. Снял с предохранителя, дослал патрон, отпустил курок с боевого взвода, придержав ударник. и в хорошем темпе рванул вверх по лестнице, на крышу.

– Стоять! Замри! Документы!

Голос за спиной точно был знакомым.

– Господи, что за текст, Крыжемилик!, – Голицын, однако застыл на месте. Пост на 15-м этаже в сортире для техперсонала предусмотрен не был, но видимо осторожный Смирнов, решив хоть как-то прикрыть себе спину, отрядил одного бойца контролировать вход на крышу. Позиция, надо сказать, была выбрана превосходная – слева от лестницы и за углом.

...Вместе с Валерой Вороновым, Голицын перетащил с собой к полковнику Маркову и Николаю Смирнову. Они прослужили полтора десятка лет вместе. И если Валера был, так сказать, птицей более высокого полета – белая кость разведки, то Коля Смирнов был парень «свой». Обычный мочила из спецназа. Кличка «Садист». Умный (дураки там не выживают), хитрый, сильный, в общем отличный солдат. Но без двойного и тройного дна. Голицыну он был гораздо ближе и понятнее.

– Я Вахмурка, а не Крыжемилик, – голос за спиной явно подобрел. – Вечно, вы нас путаете товарищ майор.

Голицын, медленно, без резких движений развернулся в сторону «секрета». Из-за угла, стоя на одном колене и уперев приклад в плечо, его держал на «мушке» сержант Андрей Строжинский.

– Хорошая позиция. Здесь тебя не больно убьют, – вместо приветствия, сварливо про бурчал майор, чувствуя себя немного уязвленным тем, что умудрился так бездарно попасться.

– Подавятся, – Стражинский, вставая с колена левой рукой указал в сторону, то ли подсобики, то ли черт его знает чего еще. Справа от лестницы, напротив позиции Стражинского находилось помещение. Внутри было темно, видимо «глухое», без окон, дверь открыта и внутри ничего не видно.

«Ух ты! И „подчасок“ есть! Все серьезно. Ну, Садист по-другому и не делает», – с удовлетворением отметил Голицын. Пока Строжинский из-за угла задает свои дурацкие вопросы отвлекая тем самым вошедших в вестибюль на себя, их держит на прицеле второй боец. И, как только вошедшие опознаются как противник, Строжинский укрывается за углом, а вошедших снимает «подчасок». Одноразовая «сигнализация», но этого хватит, чтобы уйти с крыши.

– Там? Твой однойцевый? – кивая в сторону подсобики спросил Голицын. В ответ в подсобке чиркнули зажигалкой.

«Однойцевым» был старший лейтенант Денис Озерецковский. Они оба были то ли поляками, то ли украинскими евреями. Оба рыжие.. В общем-нормальные парни. И кто-то из сотрудников назвал их в честь героев мультика про двух закадычных друзей-Крыжемиликом и Вахмуркой. И как-то прилипло.

– Я что-то не понял, по нам что, из пушек бьют, а Саня?, – удивленно и с некоторой обидой в голосе, спросил Стражинский.

«Дети», – про себя вздохнул Голицын. А вслух ответил:

– Во-первых не Саня, а товарищ... нет, господин майор... Или просто-ГОСПОДИН. ... Да нормально все будет. Пост держите. Сейчас, решим что-нибудь. Рация есть?

– Ну да.

– Что, вообще что-ль обалдели!? Что за: «Ну да.»? – Голицын был в недалеком прошлом кадровый офицер Минобороны, и перейдя в МВД, отдавал себе отчет, что эта структура менее формализованная, и обращения: «Так точно.», «Никак нет» и прочие здесь используют только по праздникам. Этим словоблудием и придирками к младшим по званию Голицын пытался скрыть собственное полное непонимание ситуации.

– Есть рация.

– Ладно, вояки, по местам. Патроны есть?

– У меня два, у Дениса четыре магазина.

– Нормально. На связи будьте.

Голицын открыл дверь на крышу, пригнулся и рванул вправо за воздуховод. Здание бывшего СЭВ было значительно выше крыши белого дома. И черт его знает, кто там сидит.

«Да, плохая позиция» – и почему-то сразу вспомнился 91-й год. Тогда, в Баку, они держали четную сторону улицы Ленина, чтобы колонна беженцев, в основном русских, дошла до аэропорта. Там их тоже прижали, в четырехэтажном доме с огромными лоджиями. Дом был очень красивый и, наверное, очень комфортный для проживания, но как оборонительная позиция – это был гроб. Вокруг стояли пяти – и девятиэтажные дома. Очень близко.

Из окна седьмого этажа по ним, как сумасшедший лупил пулемет, с противоположной стороны улицы, буквально через дорогу, по ним работал АГС... Да-а, тогда они выжили только чудом!...

Крыша Белого дома по площади как полтора футбольных поля, искать Смирнова и изображать из себя мишень майору не хотелось. Если в дело пошли танковые орудия, значит, скорее всего, никаких переговоров, основанных на взаимном уважении, а также доверии и соблюдении Конституции. ... ну, или элементарной порядочности с ними никто вести не собирается. ...Видимо, предположил Голицын, переговоры прошли несколько ранее и судя по результату, к консенсусу высокие договаривающиеся стороны так и не пришли. Их всех здесь просто завалят и всех делов. А значит кто-то оценил жизнь майора ровно в стоимость боеприпаса

калибра 7,62 или 12.5 мм. Он слышал, что новые дальнобойные винтовки с таким калибром уже поступили на вооружение. Живо представил себе, как кто-то осматривает крышу через 10-ти кратный прицел (спецы предпочитали недорогие и надежные – «Леопольд-Ультра», например). Майор собрался и рванул обратно.

– Вахмурка, вызывай Смирнова, не могу сориентироваться, где он находится.

Стражинский нажал танкетку:

– Седьмой четвертому, седьмой четвертому.

– Четвертый..Прием.

– Ржевский объявился. Спрашивает, где вы конкретно. Прием.

– Седьмой. Ждите, мы к вам. Конец.

– Ноль-ноль.

Компания прибывших, была колоритная..., до усрачки. Первым влетел головой вперед и споткнувшись, рухнул на пол персонаж в квадратной фуражке и форме бежево-песочного цвета, увешанный медалями и с серебряными квадратами на погонах.

Следом, почти одновременно, пульей влетели Смирнов и какой-то здоровяк в полевом масхалате без знаков различия, но при разгрузке, гранатах РГД-5 и с АК-74.

За долгие годы службы Голицын и Смирнов научились понимать друг друга без слов, и даже без жестов. В ответ на немой вопрос: «Коля, я дико извиняюсь, но кто эти люди?», Смирнов ответил вербально:

– Сань, это свои.

Голицын проглотил, так и напрашивающуюся реплику о том, где он видел таких «своих» и чем, по его твердому убеждению, такие «свои» должны заниматься.

– Это, – Смирнов указал на мужика в квадратной шляпе, – полковник польской армии, пан Кшиштов Лебовски. А это, – он кивнул в сторону верзилы в камуфляже, – Степа.

– Просто Степа, – протянул руку верзила.

Голицын машинально ответил на приветствие.

– «Просто Степа» позавчера прибыл из Приднестровья со своими друзьями, – закончил Смирнов.

– Я даже знать не хочу подробностей. И, конечно, пропуск у вас спрашивать бессмысленно, – только и смог выдать Голицын.

– Ну, а как НАШИ дела?, – покончив с формальностями, сменил тему Смирнов.

Голицын без зазрения совести посвятил Смирнова во все подробности его разговора с Вороновым.

– Нормально. – сказал Голицын, и жестом добавил: «Уходим. С этими двумя – прощаемся».

Мгновенно, майору показалось, что даже раньше чем он закончил фразу, раздалось два одиночных автоматных выстрела – «просто Степа» получил пулю в правую височную область головы, а пан Кшиштов – точно в грудь. Оба умерли. И тут, как в анекдоте: «...и все посмотрели на библиотечкару» – все посмотрели на Смирнова. Голицын – задумчиво, Стражинский и Озерецковский – офигевше-удивленно. Пауза длилась секунд пять.

– Коля-я! Ты что, перегрелся? – заглядывая в глаза товарищу, ласково спросил Голицын.

– Ля! Ты сказал: «С этими двумя – прощаемся». Че вы на меня уставились?

– Коля! «Прощаемся» – это значит: «Господа, было очень приятно с вами познакомиться, но нам пора...». Чувствуешь разницу?

Смирнов вздохнул.

– Знаешь, Сань. Ты в следующий раз так и говори! «Господа-а»... «познакомиться»... Нахвтался. Пижон!

И тут же, что бы вывести молодежь из ступора, скомандовал:

– Сержант Стражинский! Наблюдение! Быстро! Лейтенант Озерецковский! Досмотр! Выполнять!

Стражинский, хоть и пребывал в шоковом состоянии, по видимому, средней тяжести, но команду выполнил довольно шустро – взял на прицел лестницу,

Озерецковский, продолжая стоять как прибитый к полу и непонимающе таращиться на Смирнова, спросил, растягивая слова:

– Чего-о досмо-отр выполнять товарищ капитан? Я не понял...

Николай, тяжело и горестно вздохнув, страдальческим голосом ласково разъяснил:

– ...Ну, это, поройся у товарищей по карманам. Может, у них там, сигареты, к примеру, есть, спички... А, может, пакет какой-нибудь..., секретный. Оружие собери, боеприпасы... Понял?

– ...У ЭТИХ товарищей? – Озерецковский указал пальцем и опасливо покосился в сторону трупов.

– Да-да, Денис! – теряя терпение ответил Смирнов. – У этихдохлых товарищей, необходимо изъять оружие, боеприпасы, ...а также – часы, деньги, ценности, документы и прочее барахло, которое при них имеется! Включая обручальные кольца и зубные коронки! Все понял!? Выполняй, сынок. Это война. Мы на войне и на войне так принято. ...Так, что не нарушай традиции.

Считая разговор законченным, Смирнов развернулся в сторону Голицына, а лейтенант, обреченно, приступил к обыску трупов.

– Главное, чтобы солдат при деле был... – на всякий случай, пояснил Николай Голицыну и тут же спросил. – Саня, наши действия?

– Да-а... Наши действия..., – протянул Голицын, собираясь с мыслями. Он еще раз взглянул на двух убитых Николаем вояк, потом, с задумчивым видом, перевел взгляд на товарища. Через пару секунд, майор тряхнул головой, мысленно переводя этот инцидент в разряд несущественных и, уже бодро продолжил:

– Наши действия такие... Находим Валеру и валим отсюда.

– Как валим!? Это же – дезертирство? А полковнику сообщим?

Голицын вместо ответа, раскрыл пакет и показал Смирнову содержимое.

– Что из этого наше? – живо и непосредственно поинтересовался Смирнов. Он разминал в пальцах бархатный мешочек, пытаюсь определить на ощупь, что там.

– Все, кроме папки. Положи пока, это алмазы. Потом поделим.

– А в папке что? – Смирнов с сожалением расстался с мешочком.

– Бомба, Коля. Атомная. И нам надо попытаться не взорваться. Теперь слушаешь и веришь мне безоговорочно, понял?

– Говори.

– Валера – засланный казачек. Это раз.

– Сашок. Теперь ты перегрелся...

– ...веришь мне безоговорочно!!! Помнишь?

–

– Валера – работает..., да черт его знает на кого он работает! Он дал мне код к сейфу, последние семь цифр. Первые две он не знал, либо они были предусмотрены «плавающими». Я сначала подумал, что он работает на нашу бывшую контору...

– Ну понял, дальше.

– В общем неважно на кого он батрачит, может и на себя. Важно, что он нас завалит, в любом случае. Я, между прочим, не исключал бы версии, что вся эта катавасия с осадой, пальбой и демонстрациями гражданских лиц, может происходить из-за этих бумаженций, а тем, кто на улице, преподнесли что-то очень убедительно-демократическое...

– А можно взглянуть на ЭТО!? – Смирнов начинал подумывать, что его старинный боевой товарищ, где-то по дороге, подхватил легкую степень дебилности. Ну ...или что-то подобное. Бросив мимолетный взгляд на двух салаг и убедившись, что те, действительно, выполняют его распоряжение, а не ковыряют, по своему обыкновению, пальцем..., ну допустим в носу, он добавил: – Озерецковский! Разгрузку с негоними! Все проверил?

– Так точно, – довольно бодро отрапортовал тот.

Видимо, увидев смерть и почувствовав запах крови, бойцы подобрались.

– Займите позицию на пол пролета ниже. Все-враги. Никто не должен пройти в течении 15 минут. Выполнять!

– Есть! – ответил Озерецковский и кивком головы позвал за собой «брата-близнеца».

Проводив взглядом бравых воинов, Николай открыл папку, протянутую ему Голицыным и честно попытался вникнуть в то, что так серьезно обеспокоило его товарища.

...Через десять минут Смирнов закрыл папку и стал внимательно рассматривать штампы, способ прошивки, скоблить ногтем картон.

– ...Саша. Это какая-то лажа. ...Даже не деза, а голимая лажа!

Голицын забрал бумаги и убрал в папку.

– Я не знаю, в архиве не работал. Но если не брать в расчет содержание, что можешь сказать о форме?

– Все ПОХОЖЕ на настоящее. Литеры есть, штампы и метки – на месте. Выглядит натурально... но лажа.

– Воронову не нужно было ничего из сейфа. Деньги, камни – все это, НАШ бонус! Он хочет только эту лажу. Что скажешь?

– ...Ничего. Хотя... А, может – деньги не настоящие!? ...Или камни фальшивые?

Майор, молча запустил руку в пакет, наощупь извлек из какой-то пачки несколько купюр и протянул их Смирнову. Николай с энтузиазмом сцапал протянутые денежные знаки и принялся тщательно изучать каждую банкноту.

Через некоторое время он, неопределенно хмыкнув, слегка разочарованно произнес:

– Да-а, странно, но, похоже, деньги настоящие... Ну, или это очень качественная подделка..., – как бы в задумчивости, он плавно и без резких движений, положил переданные ему для экспертизы доллары в карман своих форменных брюк, а затем, изобразив на лице выражение крайней заинтересованности, резко сменил тему: – Ладно, что ты предлагаешь!?

Голицын, подавив смешок и сделав вид, что ничего не заметил, перешел сразу к делу:

– Предлагаю ВРЕМЕННО считать эту лажу ОЧЕНЬ ВАЖНОЙ информацией. Значит: Воронов – враг. Раз. Мы встречаемся с ним в левом крыле, около оружейки. Два. Дальше, скорее всего, уходим вместе, не удивлюсь если у него есть план отхода, и, где то по дороге он нас валит и забирает документы. Мы – должны не дать себя завалить, и получить от Валерия Ивановича максимум информации. Значит, я – отвлекаю внимание, ты – прикрываешь и нейтрализуешь. Превентивно, естественно.

– А если он не враг, а по – прежнему наш друг и товарищ, а у тебя паранойя, или шизофрения? Путаюсь в определениях. Чем, кстати, паранойя от шизофрении отличается, не знаешь? – внимательно глядя на друга спросил Смирнов.

– Знаю. И если у меня паранойя, ну или шизофрения, а ты все сделаешь нормально – возможно НИКТО не умрет. А если я прав, то двумя дураками в аду станет больше.

– Тяжело быть умным, да Сань. Ну хорошо, я понял. – Смирнов прикурил сигарету, затянулся..., и пока он выпускал дым, его лицо приобретало все более одухотворенное выражение. – Я все придумал! Документы отксерим, Воронову – оригиналы, бабло – нам, с ним не пойдем – выберемся сами, и все живы! Как план?

Голицын сжал челюсти – желваки заходили под кожей, глубоко вдохнул и ме-е-дленно выдохнул. Затем, спокойным голосом ответил:

– Коленька! Ксерокс без электричества работать не сможет. А здание обесточено. Это первое. А теперь второе, и самое главное. Кто бы не был заказчик, думаю, он «зачистит» всех, кто, даже гипотетически, мог видеть эти бумажки. Если их хозяин не Валера – «зачистят» и его. Если то, что в папках, не розыгрыш – мы трупы на триста процентов. Так, что отксерим мы их, заучим наизусть или просто передадим, или даже сожжем, для нас уже ничего не изменится – мы трупы. Валере надо было все сделать самому, не знаю, почему он решил поступить по – другому. Но, что есть, то есть. Бумаги у нас. Отдавать их – бессмысленно. От Валеры попытаемся получить разъяснения. Я тебя убедил?

– Убедил. Валера интеллектуал, а не боевик. Против меня не потянет, но..., – Смирнов потряс перед носом Голицына указательным пальцем, – убивать я его НЕ ХОЧУ. Понял!?

– Да без вопросов... Можешь, хоть зацеловать его и обещать жениться – главное, чтобы он нас не грохнул! – примирительно сказал Голицын и, непонятно к чему, добавил. – А ты слышал французскую сказку про девочку в красной шляпе? Знаешь, почему она красная?...

Николай нахмурился – видимо, пытаюсь уловить некую последовательность разговора. На мгновение, ему показалось, что он что-то пропустил.

Глядя на озадаченную физиономию товарища, майор улыбнулся и, припустив в голос таинственности, добавил:

– Потому, что она ее носит..., мясом наружу! Понял!? Такие дела... Все, пора, – Голицын поднялся и пошел первым в сторону лестничной площадки.

Смирнов, так и не понявший, при чем здесь какая-то шапка – двинулся следом. Порой, ему было сложно понять своего друга. Николай, списывал такие, периодические «заскоки» своего товарища на, давно пережитую, контузию...

Они спустились по лестнице к импровизированному «заслону» из двух салаг.

– Враги были? – как можно серьезнее, спросил Голицын.

– Все чисто, – ответил Крыжемилик, он же лейтенант Озерецковский.

– Чисто, это хорошо. Грязи нет, и не может быть извинений. – Голицын присел рядом, – Значит так! Сейчас мы спускаемся на первый этаж. Соблюдаем максимальную осторожность.

Майор понимал, что вряд ли два молодых милиционера изучали тактические наставления по штурму и захвату (освобождению) зданий от противника, поэтому он, как можно подробнее, разъяснял порядок действий и движения в группе:

– Вахмурка замыкающий – держишь тыл. Крыжемилик, ты первый, мы с капитаном Смирновым за тобой. Крыжемилик – подходишь к дверям в коридор и контролируешь видимую тебе часть коридора, в сам коридор не лезешь. Мы со Смирновым спускаемся на пролет ниже и держим дверной проем ниже идущего этажа. Вахмурка, ты меняешь Крыжемилика. Крыжемилик – проходишь мимо нас и занимаешь позицию, аналогичную той, что была этажом выше. Проверить оружие, снять с предохранителя, дослать патроны. Мы на войне. Все, кого не знаете в лицо – враги. Убиваете не задумываясь. Встречаете знакомое лицо и оно ведет себя подозрительно... Просто подозрительно – открываете огонь. Цена выполнения инструкции – наши жизни. Я доступно объяснил?

Получив два утвердительных ответа, резюмировал:

– Все. Вперед.

До второго этажа они добрались без единого выстрела и без потерь. На месте столовой творилась... Вакханалия!! Какие то бородатые типы таскали туда-сюда обломки, некогда дорогой, мебели; тут же кто-то еще занимался откровенным мародерством; какие-то люди в форме ВДВ оборудовали пулеметную огневую точку, предназначенную, по видимому, для обороны коридора; шныряли туда-сюда какие-то гражданские и, как апогей абсурда – бабка с пирожками.

– Интересно, она их действительно – продает? – Голицын ткнул в бок Смирнова.

– Кто? О! Ух ты, пирожки! А я думаю, чего-то не хватает... Жрать охота. – Смирнов, ловко маневрируя среди бегающих туда – сюда персонажей кислотного бреда Карлоса Кастанеды, устремился к бабке. – Тебе взять?

– Да... наверно. – майор пытался припомнить фармакологические свойства боевых отравляющих веществ, которые могли бы вызывать такие правдоподобные галлюцинации. На ум приходил только «Прокопан». Но это не газ, а таблетки. Голицын не мог понять – где, и при каких обстоятельствах, ему их могли подсунуть.

– Вахмурка, ты тоже это видишь?

– Да-а, бардак. А тетя Галя – молодец. Героическая старушка.

– ...??

– Ну, тетя Галя, – Стражинский указал на продавщицу пирожков. – Уборщица из буфета. Подкармливает. Хорошая тетка.

– Ясно, – ответил Голицын. По крайней мере, относительно старушки ситуация прояснилась.

Подошел Смирнов с целым пакетом бутербродов в одной руке и какой то спортивной сумкой с надписью «Бокс» – в другой.

– Пирожки только с повидлом оставались. Я вот бутербродов взял. Сытнее, – сумку он сунул Голицыну. – На, пакет спрячь.

– Коль, а ты откуда тетю Галю знаешь? – Голицын убрал ценный груз в сумку и теперь старательно подгонял ремешок «под себя».

– Какую «тетю Галю»? – не понял Смирнов.

– Ну, эту..уборщицу из буфета, у которой ты бутербродов набрал. Дай мне, кстати, а то все сожрешь...

– Я ее не знаю. А она из буфета?

– Так говорят... Ладно не существенно. Все, подкрепились? Лейтенант Озерецковский и сержант Стражинский! Направляетесь на поиски полковника Маркова. Предполагается, что именно он осуществляет общее руководство по обороне объекта, – вслух сказал Голицын, а про себя подумал: «Хотя, у меня есть сомнения по поводу того, есть ли вообще здесь руководство. Идиотизм сплошной» – и продолжил. – Обнаружив полковника – докладываете о прибытии и поступаете в его распоряжение. Приказ ясен? Выполняйте.

– Есть.

– Есть.

Когда Крыжемилик и Вахмурка скрылись из вида, Голицын повернулся к Смирнову, пару секунд посмотрел на друга как-то оценивающе-задумчиво, потом спросил:

– Ну, что, мой друг Горацио, готов?

Смирнов как то неопределенно мотнул головой.

– Я тоже, но... «Делай что должен, а случится, чему суждено», как сказал кто-то древний кому-то такому же древнему. Между прочим умные, наверное, были люди. А? Горацио, не находишь?

Майор слегка хлопнул товарища по плечу и пошел первый в сторону лестницы в левом крыле. Смирнов пошел следом, на ходу дожевывая последний бутерброд.

– Слушай, Саня, а почему ты все время меня оскорбляешь? – обиженным тоном спросил друга Смирнов.

– Вообще то Горацио был...

– Вообще то не надо умничать! Я читал это произведение, когда ты еще свою первую девку не попробовал! – перебил на полуслове Смирнов, и закрепляя интеллектуальную «победу», ввернул: – А ты, знаешь кто такой Рыжий Гори Гленский? А, умник?

– Былинный шотландский персонаж из клана Кэмпбелов, скорее всего не существовавший в действительности.

Это был нокаут. Глубокий. Смирнов насупился и некоторое время шел молча. Майор скосил на товарища насмешливый взгляд и примирительно сказал:

– Да, ладно, Коль! Не бери в голову. «Наше детство прошло на одних букварях.»

И, задержав на несколько секунд взгляд на лице товарища, добавил:

– Только, вот, мне, порой, кажется, что ты свой букварь скурил за углом школы, даже не прочитав.

Смирнов шутку, видимо, оценил. По крайней мере, дуться он перестал и, усмехнувшись, сказал:

– Ладно, умник, пойдем, решим нашу проблему и, уже, пообедаем нормально.

На цокольном этаже обстановка была боевая. В фойе рассредоточились бойцы из Приднестровья и плотным огнем простреливали площадку со стороны м. Краснопресненская. Это были настоящие «псы войны», закаленные в боях по всему миру. Но, наступающие тоже не были солдатами – срочниками. На штурм мятежники бросили таких же профессионалов, только с тяжелой техникой и гораздо более хорошо вооруженных. Слева, скорее всего от «шайбы», это круглая пристройка, стоящая примерно в ста метрах от здания Белого дома, по обороняющимся били из РГД. Голицын, пригнувшись, метнулся от лестницы за импровизированный бруствер, а Смирнов отступил назад на лестницу, когда в фойе разорвалась граната, выпущенная с позиции «от «шайбы».

«Тандемкой бахнули», – сразу на слух определил Голицын.

Обороняющиеся несли потери, но никакой паники и суеты не наблюдалось. Это были профессионалы. Голицын расслышал обрывки фраз:

– У нас два двухсотых и один трехсотый, легкий...

– Вова, накрой урода...

Пригнувшись, страхуя друг друга и обходя дверные проемы, Голицын и Смирнов добежали до оружейной комнаты. Воронов был в соседнем помещении. Он вел огонь короткими очередями из ПКМ по наступающим. Заметив друзей, он оставил пулемет на позиции и переметнулся под подоконником на правую сторону окна, хлопнул по спине бойца, занимавшего позицию справа от него, указал ему на пулемет и прокричал: «Смени. Я скоро... Там на „два часа“...аккуратнее.»

Воронов выскочил в коридор, где его ждали товарищи. Присел рядом с ними, облокотившись на правое колено, и прокричал:

– Что так долго?

Голицын проигнорировал вопрос, отнеся его к разряду риторических.

Смирнов развернулся и направил ствол автомата в сторону фойе. Судя по звукам, бой шел уже в здании.

Воронов и Голицын обменялись быстрыми жестами:

«Все забрал?»

«Да.»

«Садист в курсе?»

«Нет.»

– Ты Маркова видел? – вслух спросил Голицын.

Воронов посмотрел на часы.

– Полтора часа назад.

– Прогнозы какие?

– Здесь все закончится ночью..., ну или завтра утром. Мы уходим прямо сейчас, втроем.

Вопросы?

Голицын и Смирнов посмотрели друг на друга. Воронов расценил эти взгляды по – своему.

– Как уходить будем? – Голицын перевел взгляд на Воронова. – Вводи в курс сразу, чтоб не тыкаться на марше, как придуркам. Воронов на секунду задумался, видимо собирался с мыслями, потом сказал: «Сейчас спускаемся в подвал, дальше следуете за мной, объяснять долго, там есть проход в Метро2. Спускаемся, если есть посты – пробиваемся, проходим влево по тоннелю пятьсот метров; слева стальная дверь, она там одна. Вскрываем с дистанции, веревкой; мало ли, что... , дальше переход и выход в обычное метро у станции Кропоткинская. Все.»

– Коля знает хороший путь, через «шайбу», он туда солярку доставлял для генераторов. Может там пройдем? Там точно никаких постов. – Голицын задал вопрос спокойным, будничным тоном, но все семь, или даже восемь чувств майора, сейчас были направлены на анализ того, КАК ответит Воронов. Но вместо ответа... Воронов, как то устало и сочувствующе, и в тоже время как на ребенка, желающего обмануть родителей, посмотрел на Голицына и произнес:

– Александр. Ваши потуги в лицедействе оставляют желать много лучшего. Там пройти нельзя... Прочитал бумаги, да, Саша? ...Ладно, времени нет! Объяснимся когда выберемся. Я не враг, слово офицера, других доказательств нет. Валим.

Воронов перехватил автомат и первым рванул в сторону фойе. Там шел бой – и был проход в подвальное помещение.

Работая, в основном, маневром и прикрывая друг друга, группа из трех человек, как нож сквозь масло, прошла через мешанину из наступающих и обороняющихся, стреляя во всех. Сейчас кругом одни враги. Своих нет. Вокруг визг пуль, они несутся к лестнице.

Садист кричит: «Замена!», и тогда Голицын разворачивается и, падая на колено, опустошает магазин, и вот уже он кричит, срываясь на хрип: «Замена» и несется к спасительной лестнице, смещаясь с линии огня по диагонали, одновременно доставая пистолет из кобуры. С лестницы их бег уже прикрывает Воронов. ...Бросок занял тридцать секунд в реальном времени.

Для Голицына это были очень долгие тридцать секунд. Как всегда, когда приходится изображать из себя мишень. Он был ярым противником ведения боевых действий ТАКИМ образом. Весь его боевой опыт, все, чему его старательно обучали лучшие инструкторы и преподаватели, все говорило о том, что если в тебя стреляют – значит ты напортачил. Ну, а если в тебя попали... значит ты – лопух! Майор лопухом был только однажды. Было больно – ему не понравилось. И самое неприятное – никто из сослуживцев не выказывал сочувствия, наоборот, они вели себя так, как будто им стыдно за то, что они знакомы с таким недоразумением. С тех пор Голицын накрепко запомнил непреложную истину: «Лопухам – ни сочувствия, ни сострадания. Мертвым – СЛАВА, ибо мертвые сраму не имут.» Но майор Голицын тщеславным не был и к славе не стремился. СКРОМНОСТЬ украшает и продлевает жизнь.

Спуск по лестнице прикрывал Смирнов. Он бил короткими очередями по два – три выстрела, теоретически – отсекая желающих пуститься в погоню, фактически – принимая посильное участие в общем веселье. Первым по лестнице бежал вниз Воронов. Добежав до пролета, он развернулся, чтобы прикрыть спуск товарищей, и тут же автоматная очередь сломала его пополам. Стреляли снизу, из подвала. Кто – то выставил заслон на лестнице.

Вообще – то Воронов должен был остановиться на лестнице перед пролетом; очень аккуратно, находясь в готовности немедленно открыть огонь, осмотреть пространство за углом (а еще лучше, просто – швырнуть туда гранату) и контролировать именно его, предоставив следом идущему бойцу безопасное пространство для прикрытия отхода замыкающего. Но Воронов в спецназе не служил.

Голицын метнулся влево, прижался к стене и взял на прицел угол лестницы, оперев пистолет рукояткой в локтевой сгиб левой руки, оставив свободными кисть руки и пальцы. Жестом подозвал Смирнова, тот остановился сзади, продолжая контролировать верхний пролет, ведущий в фойе. Майор, так же, жестами, распорядился: «Туда – две гранаты. Потом, я – сближаюсь слева, ты – прикрываешь справа. На два». Смирнов одной рукой сдернул две РГДшки, придержал рычаги предохранителей, что бы не звякнули об пол, досчитал до двух, чтобы запал детонировал в воздухе, и бросил «навесом» вниз. Два взрыва слились в один. Майор плавно и быстро повернул налево за угол и, прижимаясь к левой стене, побежал вниз по лестнице, быстро сокращая дистанцию с противником, не стреляя, но готовый мгновенно открыть огонь. Смирнов переступил через неподвижно лежащего Воронова, прижался к правой стороне лестницы и, спускаясь чуть медленнее, прицельно бил одиночными по всему, что хотя бы отдаленно напоминало человека. Внизу лестница была перегорожена импровизированной баррикадой для стрельбы из положения «лежа» и «с колена». Майор с ходу перескочил препятствие. Периферийным зрением он отметил движение «слева», и тут же, та часть мозга, которая отвечает за моторику и рефлексии, начала работать: резко рванул на пять метров вперед, стреляя в движении, не целясь, просто в силуэты; бросился на пол, одновременно повернувшись корпусом в сторону противника, и, из положения «лежа на правом плече, с сумкой и автоматом за спиной, об который при падении больно ударился бедром», произвел пять выстрелов. Два «натуральных фрица» подломились в коленях. На удивление времени не было. Голицын, продолжая целиться, быстро сменил обойму, пустую просто уронил на пол (патронов – то все равно больше нет), большим пальцем отпустил затвор, досылая патрон, и повел стволом в поисках других врагов.

Других ЖИВЫХ врагов, по близости уже не было. Смирнов быстро проводил «зачистку», делая контрольный выстрел во всех без исключения, даже в тех, кто имел всего половину головы. У него сейчас тоже работали только рефлексии, вбитые в мозг давным – давно, и, верой – и – правдой служившие многие годы.

Голицын вскочил и быстро укрылся за колонной, в которую чуть не врезался при падении, опустился на колени и взял на прицел правую сторону относительно лестницы. Смирнов уже собирал трофеи. Быстро и качественно осмотрев и обыскав каждого, собрал автоматные магазины, и набив ими разгрузку, он жестом подозвал майора, и передал ему АКС с двумя полными магазинами, перевязанными синей изолентой, а сам быстро рванул вверх по лестнице, к Воронову. Голицын перепрыгнул через баррикаду в сторону лестницы и занял позицию, с которой он мог контролировать перемещение противника по подвалу.

Сейчас эти двое понимали друг друга без слов, без жестов. Долгие годы ЭТО было их обычной жизнью, их обычной работой. Каждый знал, что ему делать, и что в это время БУДЕТ делать напарник. Голицыну нравилось чувство, почти телепатического восприятия партнера, отточенной слаженности их действий, дополняющих друг друга и, создающие, своего рода, уют в атмосфере жесткого «экшена».

Смирнов подняться к Воронову не успел. Сверху, из фойе, лестницу кто – то обильно поливал свинцом. Валерий Иванович Воронов был уже мертв. Его тело прошили еще две, на этот раз шальные, пули. Смирнов стал отступать вниз по лестнице, держа под прицелом верхнюю площадку, где лежало тело Воронова. На верхнем пролете интенсивность стрельбы нарастала, и вот, на лестнице, пятась и стреляя в кого – то наверху, спиной к Смирнову, появились двое в милицеской форме. Один успел юркнуть за поворот, а второй словил две пули, и осел рядом с Вороновым.

Смирнов опознал в везучем шустрике Вахмурку. У него был... слегка взбалмошный вид, адекватность – на низком, но допустимом уровне. Зашкаливал страх и, вполне естественное желание – пожить по – дольше.

– Вахмурка! Спокойно, спокойно сынок! Свои!

– Товарищ капитан! Блин! Там жопа! – Вахмурка сел на ступени, пытаясь отдышаться. – Наверное надо выходить сдаваться. Замочат...

– Русские не сдаются, Вахмурка! Тебя, что, в школе не учили!? Чего расселся, подобрал свою жопу и бегом вниз, к майору! А где второй рыжий?

– Дена убили... Мы вместе бежали...

– Все, я понял, – тут же перебил его Смирнов. Он намеренно не дал парню пуститься в воспоминания, чтобы тот совсем не раскис. – Соберись! И бегом вниз. Потом соплями умыться будешь.

Он подождал, пока Вахмурка спустится, дал две короткие очереди, просто, в сторону верхнего пролета. Наверное, чтобы наверху не подумали, что здесь все, вдруг заснули, ну, или ушли на обед... Там «откликнулись» – очень живо и крайне непосредственно.

«Ну и, ладненько», – прошептал себе под нос Смирнов. Придержал автомат, достал последнюю гранату, вырвал кольцо, зацепив его за «мушку» прицела, и с силой швырнул за угол, на верхний пролет лестницы. Затем, перепрыгивая через две ступеньки, помчался вниз. Раздался хлопок – взорвалась граната. Они втроем уже неслись по подвальному помещению в сторону служебного входа в гараж, ощетилившись во все стороны стволами. Посередине – Вахмурка, слева – Голицын, он контролировал левый сектор и тыл; справа – Смирнов.

– Саня! Мы куда несемся? Дальше что?

– Тут где – то должны быть еще наши. – Голицын дал команду остановиться и осмотреться. – ...А, что это были за уроды?

– Эти, что Валеру завалили? – Смирнов разговаривал, одновременно осматриваясь по сторонам. – ...Черт их знает, то ли «БАРкашовцы», то ли «МАкашовцы».

– А свастика зачем?

– А они... эти, как его... «наци»..., или «поци». Кто – то из них, в общем. А на руках у них не свастика, а свасти – аста. Во! Понял, че знаю. – Смирнов заметил группу в милицеевской форме, и привлек внимание Голицына. – О! Мусора, кажется...

Вахмурка ошалело глянул на Смирнова. Тот не переставал его поражать. Голицын, пытаясь рассмотреть лица, и опознать кого – нибудь, менторским тоном произнес:

– Николай! Прошу Вас учитывать тот факт, что мы с Вами и есть те самые – «мусора», а те, кто впереди – наши товарищи и сослуживцы.

– Ну да, ну да... Как я мог забыть.. – промямлил Смирнов.

– Слушай, Коль! По – моему там полковник..

– Вахмурка, а ты знаешь, кем был товарищ майор до того, как стал носить эту мышиную форму? ... Глаз – то у него – алмазный.

– Неужели генералом?

– Молодой человек. У вас извращенный ассоциативный ряд. Выберемся – зайдите к психиатру.

И уже серьезно обратился к Голицыну:

– Командир! Надо решать! А то, что мы застыли, как три тополя, ... или дуба.

Голицын раздраженно ответил:

– А что решать? Валерик «остыл»! Путь в Метро2 мы не знаем! Я вижу два варианта. Первый – пробиваемся втроем. Правда, я не уверен, что получится. И второй – присоединяемся к группе Маркова, и пробиваемся с ними. Вот тут я точно уверен, что не получится. Даже и не знаю, что решить. А вы как думаете?

Вахмурка открыл было рот, но его тут же оборвал Смирнов:

– Ты только не брякни про «сдаваться»... Ухи откручу!

– Да нет, товарищ капитан. Просто, я, кажется, знаю, где выход к правительственной ветке. Не знаю, Метро2 это, или нет, но мы один раз были на усилении у «лички» Руцкого,

и вот тогда, как раз, мы и стояли в оцеплении на перроне. И станция была странная, я в метро таких не видел.

– Стоп. Не тараторь. Как пройти – помнишь?

Вахмурка кивнул.

– Тогда – вперед! Сусанин.

12 октября 1993 года.

Брянская область, деревня Н.

Примерно семьсот километров от Москвы.

Они выбрались. Блуждали трое суток, и вышли на поверхность за МКАДом в районе Баковки.

«Сусанин», все – таки завел их не туда. В метро они так и не попали, несмотря на все потуги проводника Вахмурки и несколько последующих коллективных попыток подземного ориентирования. Внутренние компасы и интуитивные чувства направления, по которым предложил искать верный путь Голицын, барахлили у всех троих так, что невозможно было даже усреднить показатели. В итоге, через двенадцать часов чрезвычайно увлекательной прогулки по подземелью, Смирнов предложил вернуться к точке входа и попробовать еще раз с самого начала.

...В общем, точку входа они тоже, не нашли. Так и блуждали по канализационным коллекторам. Там было грязно и неприятно, но не более того. Никаких громадных крыс, Черепашек Ниндзя и прочих зловещих обитателей подобных мест, они не встретили. Странно, но даже бомжей не было, видимо те, все же, предпочитали менее унижительные места для ночлега, всяких там, шабашей и пожирания в пьяном угаре своих, наиболее аппетитных, товарищей.

...Они, просто вышли и разошлись. Вахмурка отправился домой – к маме, а друзья решили, что Москва сейчас не самое лучшее место для отдыха, дележа «добычи» и вдумчивого «знакомства» со странными документами.

...Они ушли вовремя. Четвертого октября, в Белый дом вошла группа «А» и «крепость» пала... Голицын, знал каждого из тех парней, которые одним своим присутствием, фактически, узаконили те преступные приказы, которые сами же и прибыли исполнить. Именно поэтому, он бы, не вышел с поднятыми руками под прицелы видеокамер. А, значит – его бы, убили. ... Но, не сразу – некоторое количество, его хороших знакомых, он, отправил бы, прокладывать себе путь в ад! Они солдаты – он солдат! Они выбрали свою сторону – он, свою! ...Гражданская война – страшная штука! По мнению майора, они выбрали не ту сторону. И уже много позже, когда он смотрел и пересматривал кадры видеосъемок того дня, он всматривался в знакомые ему лица... Попытка представить себе, что должны были чувствовать и о чем, может быть, думали эти крутые парни в тот момент. ...Майор смотрел, ставил на паузу, перематывал и все просматривал и просматривал эпизоды, вглядываясь в знакомые лица. И, как ему показалось, он увидел! Они были... – растерянные! Они выполняли приказ и не были уверены в своей правоте! Правда, на качестве исполнения, это все рано не отразилось – они были настоящими профи. Но, что или кто заставил лучших солдат империи поступить таким образом, майор так и не смог понять. Ему претила сама мысль о том, что это, банально, могли быть ...просто деньги! Он в это не верил, как, впрочем, не видел и иной мотивации такого странного выбора своих бывших товарищей.

Хотя, надо сказать, что в лицо, он никому и ничего, пенять не станет. Это был, выбор каждого – чьим приказам подчиняться... А, как ни крути – Родина у всех, все равно, одна.

И все они: и он, и Смирнов и даже парни из группы «А», выполнявшие преступные, на тот момент, приказы государственных изменников – все они, граждане одной страны! И все, наверное, патриоты... Они – да! Но, только не те жирные, рыжие и плюгавые уроды, рвущие страну на части, продающие ее за дешево и набивающие собственную мошну, а затем, бодро рапортующие американцам о своей проделанной работе!!!

...Было уже за полночь. Голицын со Смирновым сидели у большого камина, пили травяной чай и перекидывались редкими фразами.

– А кто вообще такой этот Даниловский? – Смирнов прикурил сигарету и швырнул в огонь еще одно полено.

– Понятия не имею... Яйцеголовый какой – то.

– Это..., когда яйца размером с голову!?

Голицын поперхнулся чаем.

– Нет, Коля. Когда яйца размером с голову – это диагноз. И, скорее всего – головы! Ты, кстати, медкомиссию сам проходил? С рентгенологом проблем не было?

– А что с ним не так? – Заинтересовался Смирнов. – Я вообще – то его давно знаю. Нормальный дядька!

– Да с ним – то, надеюсь, все в порядке. А вот у тебя, Николай, в голове осколок! Размером с кулак!

– Дурак ты! И уши у тебя холодные... Я серьезно спрашиваю! А этот... – Отдел теоретических исследований! Я вообще про такой не слышал!

– А ты вообще про Академию Наук – много слышал? Каждый день, наверное, там шкуру трешь? Все это не те вопросы. И про «отдел...» этот, и про Даниловского – все это МОЖНО узнать! При желании... с возможностями, конечно. Ты все там – ВНИМАТЕЛЬНО прочел?

Николай пожал плечами, щелчком отправил окурок в камин.

– Ну..., внимательно.

– А страница двадцать семь «Докладной записки» тебя не заинтересовала!?

– Ну, может, не настолько внимательно...

– Дай – ка сюда..

Смирнов передал Голицыну папку№1.

– Вот, слушай... «Корреляция квантовых полей...», ...не то... «виды полей: тахеонное, мезонное, глюонное,...», не то... «электромагнитное, гравитационное...». О, вот! «Возмущение гравитационного поля корпускулярно-волновой интроспекцией... Уравнение Однокамушкина ..., о единой теории поля... Опытным путем...» – Вот! Проводились опыты! Притом – удачные! Вот описание и выводы!

– И..?

Голицын вздохнул и закрыл папку.

– Коля, я поэтому и спросил – внимательно ли ты читал?

– Про Однокамушкина – не читал..

– Однокамушкин – это Эйнштейн. В дословном переводе на русский.

– А – тогда читал. И про опыты, и результаты опытов...

Голицын дружил с «Коленькой» давно, и знал, что его друг – человек действия. Копаться и разбираться в запутанных и непонятных документах Смирнов не любил. Поэтому Голицын заранее запасся большим количеством терпения... И чая. Он подлил Смирнову, потом себе. И спокойно продолжил.

– Ясно. Давай я попробую объяснить тебе..., нет – просто поделиться тем, что понял я. Может я вообще все не так понял...

– Давай. – легко согласился Смирнов и откинулся по – глубже в кресло, видимо собираясь заснуть под «монотонно бубнящего друга».

– Так! Только не спать, солдат! Слушай. – Голицын раскрыл папку, – «Руководитель проекта – некто Даниловский, сублимировал «Единую теорию поля» гражданина Эйнштейна; разработки Тесла в области волновых процессов эм – поля; данные какой – то «АНЭ НЕРБЭ» в области пси – воздействий; и ..., вообще странно – это, что ругательство какое – то – Сри Ауробиндо Гхош. Да... Ну, ладно, там еще целый перечень источников – в общем, из всего этого он выяснил следующее: любой объект является возмутителем гравитационного поля (в той или иной степени). Это первое. Слушаешь? Дальше – самое интересное!

Смирнов утвердительно кивнул и скорчил очень «внимательную рожу».

– Мысль – это СВЕТ, возвращающийся из будущего по внутреннему пространству материи, которое есть ВРЕМЯ. – Нет, это не то... Каждый раз, когда субъект делит внимание в объективной реальности (становится перед выбором) – объективная реальность субъекта, условно, «раздувается», т., к., возникает необходимость вмещения в себя всех «возможных», «вероятных» и «невероятных» причинно-следственных цепочек как «равновероятных», на момент бинарной поляризации внимания. «Континнум» в этот момент не стабилен – в объективной реальности возникает «прокол» т.,е., разрыв, и реальность делится на «объективную» и «вероятную», и по «закону тождественности» они становятся «равновероятными» ... Та-ак, ... «объективная» реальность по отношению к «вероятной» сама является «вероятной» в системе «мультиплета» (мульти вселенной)...

«Континнум» является для реальности «оболочкой» и обладает присущими «полям» свойствами. Удалось опытным путем выяснить «длину» волны, «частоту» колебаний и расстояние от «объекта». ... Расстояние составляет ноль целых, одна миллиардная в двадцать третьей степени миллиметра.

Опытным путем установлен способ принудительного (контролируемого) «разрыва». Результаты прилагаются в Приложении номер... ТЫ ПОНЯЛ!!? Кто – то уже проникал в соседнюю вселенную, или в параллельный мир! Еще прилагается какой – то чертеж, нет – схема человека... Если соединить ..., в общем, что то соединить, то... человек становится... бессмертным? Наверное так?! Причем, здесь указано, что это «способ №1». А вот и «способ №2». – Голицын возбужденно листал документ. – Здесь показана спираль ДНК, хромосомный ряд и порядковые номера. Вот... Ну, к примеру: двадцать три – при активации этой хромосомы любая человеческая особь становится способна к моно размножению путем деления (почкования)! ... И результаты... Коля! Если это хотя бы на один процент правда, то...

– Угу... Сто.

– Что – «сто»? – Голицын был так поглощен документом, что даже не понял, что друг издевается.

– А, что – «прибор»?

– Какой «прибор»? Коль, ты спишь уже, что ли?

– Нет, Санек! Я внимательно прослушал всю ту муть, которую ты с воодушевлением декларировал...

– Декламировал. – Автоматически поправил Голицын.

– Да без разницы! Я внимательно все прослушал. Все ОЧЕНЬ ЗДОРОВО! А теперь я спрошу. Ты Приложение номер четыре ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧИЛ? Или, хотя бы прочитал?

Голицын был вынужден признать, что нет.

– А я, Саня, вместо этого «отвала башки» прочитал все приложения к документу, ВНИМАТЕЛЬНО прочитал! И, знаешь, что я думаю – пользы будет больше, если мы передадим эти, очень важные бумаженции, нашему общему знакомому – полковнику Голубеву. Может нас возьмут обратно, в нашу контору, даже в звании повысят, чем черт не шутит! Даже копии можно не снимать – МЫ С ТОБОЙ эти опыты повторить не сможем. Я, конечно, не такой умный, как ты, но понимаю, что... ну, допустим: «Абсорбция рибонуклеидов путем одновременной стимуляции тахеонной синусоидой амплитудой такой – то и какой – то там кисло-

той», – это очень непростой процесс. Гораздо более сложный, чем, допустим, смастерить бомбочку из бытовых ингредиентов. Я пойду уже, посплю... Половина третьего...

Смирнов ушел спать, а Голицын, естественно, отыскал это Приложение №4 и..., вскоре убедился, что его друг, скорее всего – прав. То, что попытался процитировать Смирнов, относилось к «способу №2». И здесь, хотя бы слова были ...знакомыми. В описании процессов в «способе №1» все было написано очень подробно, даже слишком. Написано русскими буквами, наверное, русскими людьми, или людьми, говорящими на русском, с подробнейшими иллюстрациями. **НО НЕ ПО – РУССКИ**. Голицын узнавал буквы, складывал их в слова, но смысла этих слов он не понимал.

«Шифр? Да нет, не похоже... Да и кто будет шифровать документы, уже сданные в архив? А может будут?! На то они и „сверхсекретные“! Тогда почему все не зашифровали, а только ЭТУ ЧАСТЬ приложения? Ведь все остальное читаемо и понятно!?!». Гадать было бессмысленно, и Голицын отправился спать, про себя решив, что если это шифр – он найдет способ его взломать! Он, все – таки, когда – то, с отличием закончил «Краснодарское военное училище», позднее переименованное в «Краснодарское высшее военное училище им. Генерала армии Штеменко». По специальности, правда не работал ни дня, но ведь – закончил! А кроме этого, у него были знакомые в Ватутинках, которые, в принципе, могли бы помочь, взяв «халтурку» на дом. В общем – он отправился в гости к Морфею, с настроением далеким от пораженческого.

...Ему снилась война. ...Строй, давно ушедших Дорогой Славы, солдат, его самой первой группы. Они все стоят в строю. В парадной форме. Он идет к строю и, как положено по Уставу, снимает с правого плеча вещмешок, берет его в левую руку, делает три строевых шага, правую руку – к виску: «Лейтенант Голицын...бу-бу-бу-бу-бу прибыл.». Серега Белов – командир, отдает ему честь и говорит: «Встать в строй», а потом протягивает руку и улыбается. Голицын жмет его руку. Ощущение РАДОСТИ и ДОМА. И пока он идет вдоль строя – ему все улыбаются, все РАДЫ. ... Снилось Горюнова Таня, которая осталась жить, теперь, только в его памяти...

Проснулся он, как ни странно, с ощущением легкости и с хорошим настроением. Сварил кофе. Он предпочитал настоящий кофе – в ягодах, там максимальное содержание всего того, ради чего люди, вообще, пьют кофе. Последние два года он приобретал этот «эксклюзив» в крохотном, но далеко не самом дешевом, магазинчике на Садовом кольце, около м. Парк культуры. Хозяин магазинчика, Феликс Шевель – приятель Голицына, во время перестройки и гласности наладил великолепный бизнес.

К сожалению, такого кофе в сельской местности не было. Он сварил обычный – в зернах, по – аргентински: сначала сахар разогрел до состояния карамели, затем залил холодной водой и тут же добавил две ложки молотого кофе и корицу. На запах «слетелся» Смирнов:

– Дорогая! Мне два сахара и яичницу... Не помнишь – с чем ее америкосы жрут? С тунцом или черничным вареньем?

– Сынок! Иди сначала умойся и зубки почисти! – Голицын, с сожалением, разливал кофе по двум чашкам, вместо одной большой.

– Как спалось на новом месте? – Смирнов вдохнул аромат. – Офигенно пахнет!

Утренний кофе для Голицына – это был не напиток. Это ритуал! Он бы, с удовольствием, молча и с наслаждением употребил приготовленный продукт, но... проигнорировать товарища, было бы невежливо. Майор сделал глоток и со вздохом произнес:

– Коля – это МОЙ дом! На каком ... «новом месте»?

Этот дом Голицын приобрел в 82-м году за 750 рублей, по случаю, когда их группу командировали в Почепский район Брянской области изображать из себя «условных диверсантов», которым, вдруг, очень сильно понадобились древние артиллерийские снаряды с химической начинкой.. Домик ему сразу понравился – рядом с лесом, на берегу небольшого озера.

– А..., да, точно. Дом твой. А мне – замечательно! Все – таки деревня, воздух, баня и камин способствуют... Чему – то там способствуют!

– Релаксации?

– Да – релаксации. А еще – когда людей нет! Вообще песня! ... Нет – сказка! – и тут же, без паузы и задержки, попытался испортить, такое замечательное утро. – Какие планы?

Голицын, надеявшийся на то, что хотя бы один день..., а еще лучше – лет сто, чтобы его никто не дергал, тоскливо глянул на друга, поверх кружки и, сделав глоток, обреченно сказал:

– Сейчас, кофе допьем – придумаем.

В деревне они провели еще неделю. Из теленовостей они узнали, что Руцкого и Хасбулатова объявили мятежниками, заговорщиками и определили в Лефортовский изолятор; из телефонных разговоров с сослуживцами – что тех, кто сдался при взятии Белого дома просто уволили по статье. Остальных, тех, кто, в соответствии с графиком дежурств, находился не на службе, и тех, кого не было в списке арестованных и задержанных – ждали в отделе кадров на Петровке.

Друзья оформили себе больничные листы, сроком на две недели – просто купили, дав сто долларов местному сельскому «лепиле» (кстати, это был именно «лепила»). Предыдущим местом работы деревенского фельдшера была какая – то колония строгого режима, тут же, в Брянской области.)

За оставшееся время они подлатали дом, покормили комаров на рыбалке, посетили место, где, согласно надписи на большом валуне – вступил в неравный бой с фашистскими оккупантами загадочный партизанский отряд имени В. И. Чапаева (правда, по воспоминаниям местных старожилов – на том самом месте, в 42-м году произошла банальная «бытовая разборка», с применением огнестрельного оружия, между «полицаями» из двух соседних деревень) и поохотились на «диких» коров. Смирнов «засек» стаю этих свирепых животных на лугу, недалеко от дома. «Стаю» сопровождал пастух.

– Тоже дикий, – безапелляционно заявил Смирнов, и принялся распаковывать автоматы.

От оружия они и не думали избавляться, просто купили сумку по – больше и упаковали так, что бы, не брякало. Голицыну стоило больших трудов уговорить друга, просто купить мясо у местных, а не добывать его на охоте. Смирнов, с неохотой, согласился, но тут же заявил:

– Тогда состоится – РОДЕО!!

В тот же вечер они «познакомились» с хозяйкой коровы – существом «среднего» рода, среднего пола, среднего возраста и средней паршивости, потребовавшей, фантастическую для сельской местности, материальную компенсацию за отсутствующее молоко и «душевную травму» у животного, в следствии насильственных действий со стороны «дурака дебелого». После инцидента, Смирнов еще два часа уверял друга, что это был именно бык, причем огромный.

За два дня до отъезда в Москву, Голицын съездил в Брянск – купил копировальный аппарат «НР» и пачку бумаги. Вернувшись – сделал три комплекта копий документов, извлеченных из сейфа в Белом доме, стилизовав их под «самиздат». Один комплект, вместе с оригиналом – спрятал в доме, еще один – взял с собой, а третий отдал Смирнову. Потом они сделали «схрон» для трех автоматов и поделили «добычу», как всегда – по братски, но естественно, не поровну.

Голицын не был жадный. Он вообще не был «любителем денег», однако нарушать «давно, и не им установленные» неписанные правила, « долевого участия членов группы», он не собирался. Смирнов тоже эти «правила» знал и читил, как Устав ВС, и нарушение этих правил майором, пусть даже в пользу Смирнова, было бы... «моветон».

– Санек! С оригиналами что надумал? – Смирнов, естественно, имел ввиду те самые, непонятные сверхсекретные разработки. По молчаливому согласию, они за все время «отпуска» на серьезные темы не разговаривали, но думали, по крайней мере Голицын – не переставая.

– Давай вернемся – посмотрим, как вообще обстановка. Ищет ли заказчик эти бумаги? Что вообще творится в мире? Мне кажется, что Валера просто не успел бы никому сообщить о том, что «подключил» к операции кого то еще. А, скорее всего, даже не собирался этого делать. Кроме всего этого, я не исключал бы версии, что Валера и есть – организатор, вдохновитель, получатель и заказчик. В общем, «многоликий хитрожопый анус». Пусть в аду ему будет весело! Но это лучший вариант.

– Давай лучше исходить из худшего – нас ищут.

– Не-не-не! Если исходить из этого – нам в Москве делать нечего, и надо срочно сваливать! И желательно, в эти, в параллельные миры! Предлагаю «параноить», но в пределах разумного: документы спрячем – мы это умеем, вернемся, и как ни в чем не бывало, продолжаем «коптить» воздух... Месяцев шесть.. Если они уверены в нашей причастности на сто процентов – нас не завалят, пока не найдутся документы. «Спеленать» и похитить – ну, пусть попробуют! И если такая попытка состоится – валим к Голубеву. Но если на сто процентов они не уверены – за нами будут наблюдать, возможно, даже вызовут куда – то, спросят: «где были, что делали?». Ответим правду – были в осаде, выбрались втроем – Вахмурка подтвердит, Валеру видели мельком, уехали – потому, что... а что еще?! Ситуация – то непонятная! Вот, примерно так..

– Ну, ладно, с этим худо – бедно, но понятно. То есть, переводиться обратно будем только, если нас «прижмут»?

– Нет, почему. Можно сразу – в штатном режиме: работаем на прежнем месте; подаем документы; проходим проверки и медосмотры; если будет «Представление командира части», а я думаю, что будет – в течении года переведемся. Про документы – молчим. В сторону Даниловского и его отдела даже не смотрим. Если, вдруг, за нами действительно будут «присматривать», то ничего необычного они не увидят. Ты ведь, не собираешься, в ближайшее время, обналичивать свою долю?

Смирнов скорчил «рожу», дескать: «Кого ты учишь!?».

– Не-не, это я... так. Ну, а раз ничего необычного нет, мне кажется, что года им хватит, чтобы перенести нас в разряд «бесперспективняка».

– А еще – если нами будут «интересоваться», мы можем, официально заметь, обратиться в собственную безопасность.

– Точно! И по реакции СБэшников, хотя бы предположить – кто нами интересуется! Если «свои» – думаю, нам скажут: «Да все нормально и т., д.». В общем – «включаем полный официоз», и, уж если не «на законных основаниях», то хотя бы на «мотивированных», сами можем «тряхнуть» «хвостов».

– Саня! У тебя странный мозг. Две минуты назад ты предлагал «валить к Голубеву», сейчас уже – «тряхнуть хвостов»! Знаешь, а давай еще минут пять посидим – может решим: «А че морочиться! Приезжаем и ВСЕХ ПОД НОЖ! Потом, ловим Даниловского – и паяльник ему, в... одно место...». – Коля на секунду задумался. Затем его лицо приобрело мечтательное выражение и, просияв, он добавил: – А лучше утюг! Плашмя! Ну и так далее.

Голицын засмеялся.

– Утюг... да – мысль интересная! Но, думаю, что не понадобится... да и вообще, надеюсь, что никто нас не «ждет», и никому нет до нас никакого дела!

Возвращение было банальным. Они вернулись домой и, на следующее утро отправились к Белому Дому. Вокруг здания было два кольца оцепления. Смирнов предъявил свое удостоверение – к ним вышел какой – то майор и сказал, чтобы они прибыли на Петровку в отдел кадров. Они так и поступили. На Петровке им задали сакраментальный вопрос: «Хотите работать?». «Да.» – ответили они и... отправились по домам еще на месяц.

За пару недель вынужденного безделья, ни Голицын, ни Смирнов не ощутили никакого вмешательства в их жизни, личное пространство и внутренний мир. Вообще ни-че-го. Однако, оговоренной «диспозиции» оба придерживались твердо. Голицын не знал ПОЛНОГО ОБЪЕМА и уровня подготовки Смирнова, их готовили в разное время и разные люди, но про себя он точно мог сказать, что ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ «опеку», а если еще и с применением электронных средств, лично он вряд ли определит. Не готовили его «под такие задачи».

Когда то его обучали – как обмануть простейший полиграф: во – первых – вводить себя в состояние паники, отвечая на вопрос, типа: «Вы человек?..», и пытаться думать о вечном и прекрасном (о Шиллере и его влиянии на эстетическую метафизику парового плуга – например), когда тебя спрашивают: «Ваша цель – диверсия на территории (любая страна)?»; во – вторых – ПОВЕРИТЬ САМОМУ В ТО, В ЧЕМ ХОЧЕШЬ УБЕДИТЬ АППОНЕНТА. (Конечно, это не сработает, когда ты сидишь со спущенными штанами, связанными руками, на голове у тебя полиэтиленовый пакет, а в ногу – между «большим» и «указательным» пальцами, тебе всаживают нож. И проворачивают по часовой стрелке. Особые садисты – против часовой.)

И Голицын, даже наедине с самим собой, ни словом, ни жестом не отклонялся от оговоренной «легенды». В частности, чтобы у возможных интервьюеров не появилось повода, для нарушения целостности его любимого организма. Сложнее было с мыслями! Они, словно стадо «диких собак динго» врывались, и топтали мозг майора своими небритыми копытами. Голицын искренне надеялся, что технологии чтения мыслей еще нет! Ну, или, что по отношению к его скромной персоне, ее использование сочтут нецелесообразным.

«Нет ничего хуже, чем отклониться от собственного же плана.» – его инструкторы были просто вместительным мудрых мыслей и афоризмов.

Голицыну вспомнилось, как лихо выкрутился седой инструктор по ОРД, когда он, молодой и «зеленый» еще курсант, невинно хлопая глазами, спросил: «А что делать, если в процессе воплощения плана в жизнь, становится очевидным, что план – говно?».

«Семь раз отмерь – один отрежь. Уяснил? Передай командиру роты, что я попросил выделить для тебя два наряда вне очереди. За обращение не по Уставу!» – Голицын пытался вспомнить фамилию этого шустрого дядьки: – Кадушкин.. Подушкин.. Кадочник. Да, точно! Кадочкинов! Интересно, а жив ли он? Он уже тогда был ...старый. Но очень быстрый! Голицын вспомнил, как они впятером пытались заломать одного этого «старика»... Стоит ли говорить, что у них ничего не вышло! Говорили, что он работал в СМЕРШе! Почему он, вдруг, вспомнил этот эпизод двадцатилетней давности? Сейчас он и сам смог бы «завязать морским узлом» пять – шесть человек. Но СМЕРШевец, уже тогда, был гораздо старше, чем нынешний Голицын! ...И шашкой лихо работал... И это несмотря на то, что, как оружие – шашка является... эндемичной для СОВРЕМЕННОГО мира.

Голицын быстро произвел «в уме» нехитрый подсчет: «На пятом курсе я был... – в семьдесят третьем; тогда ему было около шестидесяти, может чуть больше. Семьдесят три минус шестьдесят – шестьдесят три равно десять тире тринадцать. А Гражданская война закончилась в двадцать четвертом... Значит, когда закончилась Гражданская – Кадочкинову было от одиннадцати до четырнадцати лет. А сколько потом, еще использовались сабли и прочие колюще-режущие? Примерно – до тридцать седьмого!?. Плюс минус год – два... Да! Все верно...». Теоретически, его преподаватель действительно мог обучаться обращению с саблей и шашкой, и может даже, применял ее в бою как основное оружие (Кадочкинов бился скупыми, точными и рациональными движениями, как бьются на войне, в отличии от современной «казачьей джигитовки»). Получается, что в тридцатом ему было от семнадцати до двадцати, а это уже тот возраст, когда и нынешняя молодежь получает навыки обращения с современным оружием и учится эффективно уничтожать себе подобных, а некоторые, даже успевают «открыть» свои персональные кладбища. Голицын был чуть – чуть разочарован.

В бумагах, обладателем которых он на данный момент являлся, в числе прочего, говорилось о том, что некая лаборатория, еще в 1949-м году проводила эксперименты по созданию «суперсолдат» путем замены части суставов (коленные, локтевые) на стальные аналоги, модернизации сердечной мышцы посредством пересадки свиного клапана (у него большая пропускная способность, а значит – выше реакция, больше скорость и выносливость), гипертрофировании желез какой – то там секреции для еще большего вырабатывания адреналина, эндорфина и ортофосфорной кислоты, ... ну и чего – то там еще... А так же – по увеличению продолжительности жизни. Для этого, судя по записям, общая температура тела, должна быть понижена на величину от ноль целых, две десятых градуса до двух градусов от персональной средней температуры тела у испытуемого. Голицын не заучивал документ наизусть, поэтому кое – какие детали не помнил: то ли, для понижения температуры, вводили укол в спинной мозг, то ли в мозжечек..., Препарат назывался: то ли «глюконат кальция», то ли «метилбензоат калия». Но это было не главное – это можно будет посмотреть и уточнить. Важно другое! Лаборатория функционировала и вела научную работу в интересах и под контролем НКВД – МГБ. А СМЕРШ – структурное подразделение этой организации! А Кадочкинов – сотрудник СМЕРШа. И, согласно данным отчетов – эксперименты были удачные!

«И ВОТ ТУТ, – как казалось майору. – порылась и пописала собака!» С одной стороны: если Кадочкинов родился в 1910 году, то его навыки, не забытые впоследствии, а наоборот оттачиваемые (правда непонятно для чего) годами – объяснимы. Но что то не давало покоя Голицыну! Объяснимыми были «навыки». Но была еще и «скорость» – скорость реакции, скорость движений! Кадочкинов двигался со скоростью не просто запредельной для шестидесятилетнего человека, быстрота движений была такой, что становилось непонятно – как суставы и сухожилия выдерживают такую нагрузку? «И еще один момент!!» – Голицын вспомнил еще одну огромную странность – «техника бесконтактного боя», которую, с его курса, между прочим, так никто и не освоил! А между тем, техника действительно «работала»! Майор вспомнил, как от «ментального удара» у него взболтнуло голову, во рту появился привкус крови, сознание он не потерял, но на ногах все таки не устоял. Удар был самым настоящим – Голицын толк в «ударах» понимал! (Его отец был тренером по боксу, и с пяти лет приобщал свое чадо к «неописуемому восторгу быть творцом и художником, дарить и получать невыразимое чувство эстетического наслаждения» от качественно сломанного носа у соперника.) Он видел, как «затуманился» взгляд инструктора, как будто тот обратил взор «внутри», когда Голицын ринулся в атаку. И ощутил самый настоящий «прямой в голову», между своим правым виском и центром лба, выше правого глаза. «Техника» работала!

«А если предположить, что сотруднику СМЕРШа, подполковнику Кадочкинову (без инициалов) в 1950 году уже было за шестьдесят!? И, как сотрудник секретной организации, он – добровольно принял участие в качестве испытуемого в секретном проекте по созданию «долгоживущих суперсолдат» (согласно теоретическим выкладкам в отчете – «при понижении температуры тела на два градуса – продолжительность жизни может составить от 5 до 25 ВНИМАНИЕ! ТЫСЯЧ ЛЕТ). Эксперимент прошел удачно, все результаты засекретили, в 1953 Берию расстреляли, МГБ перетряхнули, проект закрыли, и про подполковника Кадочкинова все забыли?! Может такое быть?» – майор считал, что – ДА.

«А если это так, то – один ли он такой? Или есть еще „результаты“ удачных экспериментов?» – Голицын не был «законченным» романтиком, и изучив (в меру своих скромных умственных способностей) содержание секретных документов, не впал в беспричинную эйфорию по поводу «новых жизненных горизонтов» или «а, ну теперь мне все понятно», просто пытался пересматривать события с учетом новой информации. Но, стараясь при этом, не заниматься «подтасовкой» фактов.

Мысль была настолько свежая и захватывающая, что решение пришло мгновенно: «Надо найти своего бывшего преподавателя! Или выяснить его судьбу на сто процентов».

А поскольку, время было позднее – он отложил воплощение задуманного до утра. В немалой степени, из – за гипотетической слежки.

Утром, созвонившись со Смирновым и убедившись, что тот: «...ничем особенно не занят.» – сел в машину и отправился к товарищу. По дороге он, конечно, пытался, не особенно усердствуя, определить (вернее – угадать) – есть «хвост» или нет, и... естественно не определил. Надо сказать, что сей прискорбный факт никак не отразился ни на настроении, ни на маршруте, ни на ближайших планах майора Голицына. Он не «срывался» со светофоров; не менял, внезапно, направление движения; не петлял по дворам. Один раз, правда, проскочил светофор на твердый «красный», но это был, практически, неизбежный маневр. На пересечении Аминьевского шоссе с Мичуринским проспектом очень странный светофор: пропускает до середины проезжей части – и тут же переключается на «красный». В общем, ехал как обычно, стараясь не вызывать подозрение у возможных «опекунов». Он: «...просто ехал к своему другу, с которым они вместе ждали вызова в отдел кадров, и которого он собирался позвать с собой в Краснодар. ... Ну, вот... ностальгия! А времени – девать некуда!». – Это объяснение майор приготовил заранее, на всякий случай, для тех, кому могло быть это интересно. Все максимально открыто и естественно – как надеялся Голицын.

Именно там, в КВВКУ им. Штеменко майор рассчитывал получить сведения о своем бывшем преподавателе. Но об этом, равно как и о пункте назначения, не знал пока даже Смирнов.

Они поехали на поезде. Но, предварительно, решили внести ясность в отношении своей «физиологии». Все таки: «хвост» у них – есть, или «хвоста» у них – нет? Тем более, что случай – подходящий!

– Да без проблем Сань! На юга так на юга! Нам, киргизам, все равно: что е...ть подтаскивать, что е...ых оттаскивать! Заедем, только, пользуясь случаем, к родственникам. Кое-какую одежонку забросим. Зима скоро! Да это по пути! – Смирнов сел за руль и положил на соседнее сиденье «Стечкин». Майор устроился на заднем сидении своей машины и тоже достал пистолет. «Мерседес» рванул с места. Это была очень мощная машина, неверное, единственная модель, к которой баварцы допустили специалистов из «Порше» – W124 E500, в заводской доработке AMG и тюнинге «Карлсон». Правда, к мощности тюнинг отношения не имел: «Карлсон» тюнингует интерьер и экстерьер, не касаясь ходовой части и двигателя. Поэтому Голицын, перед тем, как занять положение для стрельбы – снял ботинки. Упереться грязной обувью в, отделанные синей и черной кожей, спинку переднего сиденья и обивку задней двери, он считал надругательством над ..., да надо всем! Голицыну, такое обращение со своим автомобилем, казалось даже более кощунственным, чем... – в первую брачную ночь, в пьяном угаре завалиться в постель к молодой невесте и... заблудить ее с головы до ног! ...А потом уснуть и во сне обкакаться...

Этот «Мерседес» был выпущен в 1991 году в городе Штутгарт, и куплен Голицыным в том же 1991 году, но в городе Москва. Он переплатил за доставку, практически, половину. Но, машина того стоила! ...Да, и деньги, у него были...

Вообще девяносто первый был, в своем роде, удачным годом для майора. В марте, когда их «зажали» в четырехэтажном доме в Баку – они выжили и отбились, только благодаря тому, что на первом этаже этого дома находилось большое отделение «Сбербанка». И там были бронированные двери и двери – перегородки тамбурного типа. Замечательные сооружения – с точки зрения обороняющихся. А еще там было хранилище... Кстати, бронированная дверь была всего одна – там. Ее они открыть не смогли, за то, левая стенка «выдержала» всего одно попадание из СПГ...

На подмогу, осаждающим здание Сбербанк боевикам, прибыл УАЗик, без брезентового тента, зато с, установленным на нем, на манер знаменитой «тачанки» станковым противотанковым гранатометом. УАЗ, рыча мотором и скрипя тормозами, остановился примерно в тридцати

метрах от здания, где укрылась группа Голицына. Прикрывая свою тяжелую артиллерию, бородатые сепаратисты открыли шквальный огонь из всего, что могло стрелять... А затем бахнул взрыв! Слегка контуженный Голицын, заметил, что обвалилась внешняя несущая стена здания и, как ему показалось – все балконы со стороны улицы. Внутри помещения тоже зияла огромная дыра, все помещение заволочло пылью, гарью и кирпичной крошкой. Голицын, наугад дал очередь и выпустил заряд из подствольного гранатомета, предположительно в то место, где остановился внедорожник... Справа от себя он услышал отборный замысловатый мат Смирнова... Чуть дальше ожил пулемет Ковбоя...

– ...Рассчитались! – выкрикнул Голицын и начал, естественно, с себя. – Первый!

Рядом проорал Смирнов:

– Второй!

То тут то там, слышались порядковые номера, присвоенные каждому бойцу, еще перед началом операции.

...После залпа, не ответили четверо.

– Боксер! – не прекращая стрельбу, прокричал Голицын. – У нас четыре «минуса»! Найди и проверь!...

– Есть...

Спустя некоторое время, он доложил:

– Командир! Три – «двести», один «триста» – тяжелый... Скоро отойдет. Я «промедол» вколол... Документы собрал!

– Понял..., – пробормотал Голицын и крикнул. – Ковбой! Что с БК?

– Пока нормально!

– Ладно, – распорядился Голицын, – держи их на дистанции! ...Гольман! Займи позицию слева... Оттуда удобнее... И разберись с гранатометчиками! ...И героями, заодно.

– Понял..., – Гольман, бережно придерживая СВД, пополз на левый край, прикрываясь остатками стены.

...По ним лупили больше тридцати стволов...

«Моджахеды» не мелочились! Или те, кто их вооружал, страдали... Гигантизмом! Автоматов, практически не было, о пистолетах – даже нечего говорить. По ним лупили из РПК, ПКМов... Через дорогу, под бетонным козырьком Универсама, из-за колонны, по ним безостановочно бил АГС – прямо, через головы своих же, штурмующих Сбербанк, вояк!

Вдруг... Откуда ни возьмись, подкатил ЗиЛ-130. Майор, с немалым удивлением и еще более немалым ужасом рассмотрел в кузове грузовика очень древнюю, но все еще невероятно убойную штуку ЗУ-23—2. Это была спаренная зенитная установка, изначально задуманная конструкторами как средство для борьбы с воздушными целями противника...

Джигиты на ЗиЛе, что-то радостно прокричали осажденным и, под всеобщие одобрительные крики своих братьев, которые тут же расселись, словно на премьере в кинотеатре, открыли кинжальный огонь по позиции Голицына и кампании. Эта махина дырявила дом с двадцати метров, минут десять!...

Голицын лежал, распластавшись тонким слоем, по битым кирпичам и кускам бетона... От попаданий в стены и рикошетов, ото всюду летели куски кирпича и бетонной крошки. Вокруг стоял кромешный ад! Ощущения были, сродни авианалета! Громадный монстр стрелял, издавая при этом противный громкий вой и оставляя дыры в стенах, размером с кулак взрослого человека! За время этой арт подготовки, Голицын, мысленно написал завещание несуществующим детям, успел мимолетно пожалеть, что в далеком детстве часто таскал за хвост всеобщего семейного любимца – кота Филимона, поверить в бога и попросить о спасении..., хотя бы души! Потому, что при таком раскладе, надеяться на большее, Голицын счел... богохульством.

Через десять минут, древнее оружие, видимо, перегрелось... или его, просто заклинило в следствии ненадлежащего обслуживания, и расстроенные горцы укатили восвояси... После этого, Голицыну стало казаться, что обе стороны стреляют..., но как-то уже – без азарта и задора, что ли... «Мухи», ДШК, РПГ, «Утес»... – все это было уже не то! Градус «общения», сильно понизился. Самым «мелкокалиберным» был, наверное, М-60 – американский хлам, времен Карибского кризиса и Вьетнамской войны.

Во владельца этого раритета, по общей молчаливой договоренности, никто из бойцов группы Голицына даже не стрелял. Видимо его, не сговариваясь, все приняли за безобидного местного сумасшедшего.

...Один раз, Смирнов, вроде бы заметил, что кто-то из нападающих придурков, притащил откуда-то ПЗРК «Стингер» и, уже, всерьез хотел по ним пальнуть... Но не пальнул – видимо решил, что вещь дорогая и редкая... Решил, приберечь для более подходящего случая.

В общем, когда наступило относительное спокойствие, радист группы с позывным Вася, подозвал Голицына и показал ему содержимое, разбитого в хлам, хранилища сберегательной кассы... Голицын, от увиденного впал в легкий ступор. Там была куча... Нет, не золота, не долларов... Всего лишь старые советские деньги, уже прекратившие хождение на территории бывшего СССР, и подлежащие обмену на новые – Российские рубли. Видимо, в хранилище были средства, уже собранные у населения и подлежащие... – наверное утилизации. Короче – денег было много. Нет – МНОГО! Это был шанс! Шанс выжить!

– Вася! Связь! – почти радостно, заорал Голицын.

...По радиостанции, вызвал командующего операцией – полковника Мордачева.

– Первый! Первый! Ответь шестому! Прием.

– Первый на связи! Говори! Прием.

– У меня «ситуация 2—1», «...2—1». Как понял? Прием.

– Ты где, шестой? Прием.

– Ленина, двадцать четыре. Прием.

– Повтори: «Ленина...» – дом какой? Прием.

– Двадцать четыре. Двадцать четыре. Как понял? Прием.

– Понял: «Двадцать четыре». Откуда там 2—1? Прием.

– Василич!!! Не е..и мозги! Я тебе говорю – 2—1! Надо грузовик и «коробочку». Срочно!

Прием.

– ...Полчаса.

– Василич! Десять минут! ... Грузчиков и охрану! По нам работают, примерно... до взвода...

– Б... ть – смотри... Если, что...

– Там все равно! Ждем!

Наверное – уточнять излишне, что если бы не «ситуация 2—1» (2-документы; 1-секретные, содержащие гос., тайну) – никакая помощь к ним бы не пришла. И, с вероятностью, процентов девяносто, их бы попросту, разорвали на куски.

Помощь пришла, не вовремя. но не критично... В общем, майор Голицын, капитан Смирнов, полковник Мордачев и ...господин Козин (без инициалов) стали счастливыми обладателями грузовика денег ..., которые надо было как – то легализовать и обменять!

И тут.. Голицына приглашает в МВД «Управление по охране высших органов...» полковник Марков... И в августе девяносто первого Голицын уже исполняет обязанности по обеспечению личной безопасности Председателя ЦБ РФ по г. Москва Б. К. Шера...

...В общем, 27 ноября, в среду – Голицын стал ...весьма состоятельным ...господином. А 24 декабря у майора появился тот самый «мерседес», на котором, в настоящее время, они со Смирновым, чуть медленнее пули, «летели» по Киевскому шоссе в сторону Калуги.

– Чуть помедленнее, Коля! Чуть помедленнее! – пропел Голицын, безбожно перевирая мотив, тональность и все остальные критерии, по которым оценивается вокал. – Помнишь!?! Мы за «хвостом» охотимся, а не в «рейсинге» мелочь по карманам тырим!

Смирнов сбавил скорость до ста. Потом до восьмидесяти. Впереди был, очень «неприятный», Селятинский пост ГАИ. Все это время Голицын смотрел назад через тонированное стекло. Смирнов «мониторил» ситуацию в зеркалах заднего обзора. Джип «Чероки» они увидели одновременно. Тот догонял их, несясь по встречной полосе и непрерывно моргая фарами.

– Внимание! – Голицын занял удобную позицию для стрельбы, упершись спиной в заднюю правую дверь. «Большим» пальцем правой ноги, он приготовился нажать кнопку левого заднего стеклоподъемника, что бы, не стрелять сквозь стекло. Смирнов тоже взял оружие, дослал патрон и наполовину приспустил стекло. Простреленные окна – не самый лучший способ выделиться на дороге!

Джип действительно был «по их души». Поровнявшись с «мерседесом», он резко вильнул вправо, прижимая «мерин» к обочине. Смирнов вывернул руль под углом, примерно в сорок пять градусов, обеспечивая «угол атаки» для Голицына; остановился, включил «аварийку» и приготовился к стрельбе, уперев «стечкин» в локтевой сгиб левой руки, которой продолжал удерживать руль. Но пассажиры джипа повели себя... как то странно! С точки зрения здравого смысла! Вместо того, чтобы выскочить на малой скорости из машины и быстро осуществить «захват» – они перегородили своим тарантасом, и без того очень узкое (полторы полосы в каждую сторону) Киевское шоссе, создав, тем самым приличную «пробку». Но это их, похоже, мало беспокоило. Джип прижался почти вплотную к «мерседесу», и из переднего правого окна, на Смирнова уставились две молодые «серьезные» рожи.

– Слышь! Ты че, как ездешь, терпила! – сказала «рожа – водитель».

Реакция Николая была предсказуемой! Лицо побледнело, глаза налились кровью, ладонь пыталась раздавить рукоять пистолета. Когда прошел первый «приступ», Голицын удивился, что никто еще не убит.

Смирнов «заревел»:

– Кто «терпила»? Ты – черт перекрашенный! Тварь блудная! Ты, хоть знаешь, с кем база-ришь?! Я тебе язык отрежу и сожрать заставлю!

С точки зрения Голицына – Николай вел себя, явно, неадекватно! Вместо того, чтобы, просто: «разрядить» в группу захвата «очередь» из восемнадцати патронов – он, то порывался открыть дверь, то, видимо, вылезти в окно. Все время размахивал руками и произносил странные слова. Майор пожалел, что у него нет третьего глаза, чтобы посмотреть на это представление, потому, что, те два, которыми он располагал, сейчас были очень заняты наблюдением за окружающим пространством и контролем заднего правого окна джипа. Представление, между тем, продолжалось! И премьером был – та-да-да-та-а! Николай Смирнов!! Советский Союз.

– – пехота охувшая!!! ..., до конца своей, коротенькой, жизни – будешь «вату закатывать»! Ты с кем работаешь!!!? подответная хуйня! на органы!...

Голицын, чуть не пропустил момент, когда правое заднее стекло начало опускаться. Он приспустился чуть ниже, носком стопы нажал на кнопку стеклоподъемника и В лицо человеку на заднем сидении джипа посмотрели два немигающих глаза и один пистолетный ствол.

На вид, человеку, было примерно, лет сорок-пятьдесят. Видимо, среди пассажиров внедорожника, этот перец, был самым авторитетным чуваком.

И, что странно, при виде пистолета, этот чувак не испугался! Слегка растерялся, но НЕ ИСПУГАЛСЯ!...

«Дурак!» – решил Голицын. – «Дурак, однозначно! Был бы умный – уже навалил бы в штаны».

– Ладно, бродяги! – мужик показал Голицыну пустые руки. – Все погорячились! Но ты, – предполагаемый «авторитет» перевел взгляд на Смирнова, – ... в натуре, нас «резанул».

– Представься. – бросил ему, чуть успокоившийся Смирнов.

– А кому представляться то? Кто спрашивает?

– Наезд ваш!! Представься!... – опять начал повышать голос Смирнов, но пистолетом уже не размахивал.

...Голицын уже все понял! К ним на огонек, заскочило какое-то мелкое бычье, расплодившееся за последние пару лет. Судя по их невероятному гонору и вызывающему поведению – они «крышевали» киоск «Союзпечать»! ... Максимум – два.

Год назад, парочка, примерно таких-же дегенератов, из его подъезда, пыталась подкатить к нему с «очень серьезной делюгой», в двух словах выразившейся в том, чтобы он – Голицын, помог обзавестись «нормальным пацанам» «левыми плётками»! ... Майор, тогда, отодрал за уши, этих начинающих «Аль Капоне». Но, через пару дней, сжалившись, подарил им свою старую сыромятную португую и показал, как в старину, изготавливали свои нагайки, настоящие донские казаки. А примерно, еще через неделю, оказалось, что он зря оказал им, даже, такую мелкую услугу – при испытании готового оружия, один из них, случайно, выбил другому глаз... Хотя, справедливости ради, надо сказать, что у кого-то из них, фантазия все-таки, работала – свой позорный «недуг головного мозга», они, каким-то образом, умудрились обратить в некое подобие подвига и, буквально через полгода, уже раскатывали по району на довольно приличной BMW!...

...Он продолжал держать на прицеле свой сектор, то есть – пассажира на заднем сидении, и наблюдать за дорогой. Там собралась изрядная «пробка», но никто не сигнализировал, не выражал свое недовольство иным образом – машины просто объезжали препятствие и продолжали ехать по своим делам! Судя по тому, что их «встреча» продолжалась уже, минут пятнадцать – милицию никто из участников дорожного движения и не думал вызывать!

Майор сменил положение, продолжая держать на прицеле пассажира на заднем сиденье. Он подался чуть вперед, так, чтобы человек в джипе понял, что Голицын обращается именно к нему и произнес:

– Гражданин! Предлагаю вам, прижаться к обочине и освободить дорогу от зевак. Тогда мы, могли бы спокойно уладить это недоразумение... Вы не против?

На его вежливое предложение, вместо адресата, неожиданно отреагировал водитель джипа. Он перегнулся через спинку своего кресла и просунув свою, не обремененную интеллектом рожу в окошко, задней правой двери, отодвинув при этом пожилого «авторитета», проорал майору:

– Ты, чё там блеешь, ишак!? Базара хочешь!? Будет тебе базар!

Это были последние его слова. Голицын выстрелил без колебаний. Пуля попала этому смелому человеку прямо в лицо – на сантиметр ниже правого глаза и выскочила откуда-то из затылка. Тело убитого водителя так и застряло между сиденьями. Простреленная голова, немым укором повисла, рядом с коленями пожилого «авторитета».

Однако, мертвый водитель, все-таки выполнил просьбу майора, съехать на обочину. «Черочки», неожиданно, плавно покотился вперед. Видимо, расслабившись, нога водителя соскользнула с педали тормоза и автоматическая коробка передач, плавно, потащила машину в кювет. Сидящий рядом с водителем пассажир, правда вовремя среагировал на движение и вывернул руль. Так, что в кювет джип не свалился, но с трассы все-таки убрался.

Смирнов, тут же, выскочил из машины и бросился за автомобилем наглых бандюганов. Голицыну, же сначала надо было обуться... Когда он присоединился к товарищу, все уже, собственно, закончилось. Миром. ...Относительным. По крайней мере, больше никого не убили. Краем уха, он уловил только обрывки фраз. Несущественных, на его взгляд.

Пассажир на переднем сиденье сидел и внимал Николаю с таким лицом, как будто Смирнов выдал ему подзатыльник и сказал, что в следующий раз – выпорот! «Авторитет» марку держал – просто кивал, поджав губы и сжав челюсти. В следующую секунду «Чероки» развернулся через «две сплошных» и помчался в сторону Москвы. С трупом разжалованного водителя в салоне... Эту проблему, начинающим мальчишам-плохишам, теперь, предстояло решать самостоятельно.

Движение на трассе уже восстановилось. Застоявшиеся машины, теперь, бодро проносились мимо товарищей и Голицын, почему-то, ощутил странное чувство удовлетворения от... жизни.

Оставшуюся часть пути они проделали без приключений. Перед Калугой свернули на «объездную» и помчались в сторону Тулы. По пути они дважды «ломались»: Смирнов открывал капот «мерседеса» и, истово, пинал его по колесам. Голицын в это время занимал позицию в «зеленке».

Но, видимо, они были... – как в анекдоте про Неуловимого Джо: «...Его, что – невозможно поймать? – Да нет! Просто он на фиг никому не нужен!» – на фиг никому не нужны! Дальше «параноить» – не было никакого смысла! Видимо, Валера, действительно: либо никому ничего не успел доложить; либо – не собирался этого делать (все правильно организовать, и «взвалить всю полноту ответственности» на свои мощные плечи – вот «высший пилотаж» стратегической разведки! А детали ... – они только все запутывают! Про них можно и умолчать.). Но майор, зная Воронова, склонялся, вообще – к третьей версии: Воронов организатор, заказчик и получатель. Голицын никогда не видел личное дело Валерика, не изучал его «психологический профиль», «психологический анфас», впрочем, тоже не изучал. Но, то, как он сам оценивал личностные, умственные и профессиональные качества Воронова – говорило о том, что Валера МОГ БЫТЬ и тем, и другим, и третьим. Валера был... очень мутный тип! Но, ОЧЕНЬ амбициозный и масштабный!

В Туле друзья оставили машину у знакомых, или родственников Смирнова – Голицын этого так и не понял, и сели на ближайший поезд «Москва – Анапа», выкупив все четыре места в купе – как для удобства, так и для безопасности. Впрочем, попутчиков в вагоне было не много. Не сезон!

Напряжение, сопровождавшее их всю дорогу, немного спало. Может сказалось то, что «хвоста», по видимому, все – таки не было, а может, равномерный, гипнотизирующий стук вагонных колес. Скорее всего, то и другое. И, сидя в купе, попивая горячий чай с неповторимым вкусом... – «железной дороги», он почувствовал, как его «отпускает».

Паранойя – полезное, но очень опасное состояние! В этом смысле Голицын был, скорее, «спринтер», чем «стайер». Он мог – мобилизовать себя, но на какое то – конечное время! Мир, с БЕСКОНЕЧНОЙ войной, интригами, предательством и недоверием; и снова предательством, недоверием и интригами – был для него непредставимым. Он мог сравнить его, только с очень тяжелой формой поражения головного мозга, или с тем, что к этому обязательно приведет! И не исключено, что в конце концов окажется, что ты уже ДАВНО являешься БЕЗНАДЕЖНЫМ пациентом в Институте им. Сербского; мир – обычный, а все войны, заговоры, злые гении, гениальные негодяи, предатели и страшные тайны – существует только в ТВОЕМ МИРЕ. А еще в нем, непременно, будет врач – психиатр, который все знает, но «притворяется и пытается свести тебя с ума психотропными препаратами». Голицын был, еще совсем недавно, сотрудником самого эффективного силового подразделения на планете! А значит: война, «кроты», провалы, подставы, предатели, слежки, погони, облавы, зачистки и вся остальная «романтика» этого мира – у него «в крови»! Но, выполнив «задачу», он должен был знать, что ему есть – куда прийти! Туда, где его ждут, где он – в безопасности! Это место люди называют – дом! Вообще, понятие «Дом» – глобально в своей эмоциональной составляющей. Голицын это, безусловно – сознавал, но философствовать на эту тему не любил. Поэтому он

«сжал» эмоции до синегетического оптимума: «Дом – это любовь и спасение. За него можно убивать и умереть!». Домом может быть койка в кубрике, просторная квартира, целая страна или вертолет МИ-8, прибывший на точку эвакуации. Но, в любом случае – там тебя ЖДУТ! Родители..., жена..., дети или твой отец – командир. (Представители контрразведки к числу домочадцев не относятся. Это, скорее, невоспитанный бультерьер младшей сестры, постоянно гадящий в обувь, и желающий попробовать тебя на вкус.) Голицын опять подумал о Валере – тот, видимо, сжился с чувством, что «кругом враги и он один против всех». Разведчики, долго работающие в других государствах; под прикрытием; не легально – не могут рассчитывать на безопасность. Постоянная ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ сосредоточенность становится обычным состоянием! Но мозгу, все равно требуется отдых. Очень сложно – каждый день запоминать тысячи, именно тысячи деталей, удерживать в оперативной памяти громадный объем информации, фиксировать наличие слежки, постоянно просчитывать десятки вариантов последствий на каждое действие и жить двумя-тремя разными жизнями. Не пользоваться несколькими именами, а «убедительно и полноценно» жить, порой очень разными, сценариями; пользоваться разными лексиконами..., одним словом – быть разными людьми. И вот тогда, каким бы тренированным ни был мозг – он начинает давать «сбои» и требовать самоопределения: «Хочу знать – кто я: Штирлиц, Исаев, или, все таки – Тихонов..., в конце то концов!! Хочу безопасности!!! Хочу отдохнуть!!!». Но «воля» разведчика, каждый раз приказывает: «Заткнись нытик! Работай! Еще не время! На том свете отдохнешь! Все только начинается...». И если «воля» разведчика, достаточно сильна – мозг подчиняется еще на какое то время. А вот, если недостаточно...: «Ничего не знаю! Ты как хочешь, а я пошел!» – мозг «включает» «безопасный режим», и его хозяин, автоматически, оказывается в большой опасности! Умственной и, как следствие – физической!

Вероятно, эти папки являлись для Воронова его последним, амбициозным проектом. Скорее всего, он знал – что именно надо делать, для того, что бы разом, и «выйти в отставку», и, может быть, начать «более масштабную» «игру», и попытаться максимально себя обезопасить!

А какая опасность может грозить «бессмертному»? Или, способному перемещаться по... «вселенным», ... «измерениям», ну и прочим интересным местам? Или человеку, способному ПРЕДВИДЕТЬ!!? Не просто СТРОИТЬ ПРОГНОЗЫ, используя информацию, и правильно ее анализируя – это, все таки, все равно, гадание на «кофейной гуще» (очень много непредсказуемых факторов. В том числе – «человеческий»). Или: все просчитано, кроме грузовика, смявшего твою машину по дороге на «акцию», и отправившего тебя в «леса, богатые дичью и бобрами».) – Голицын потрянул головой, отгоняя бесполезные, с его точки зрения, мысли: «Валера мертв. Ему там... – нормально. Ну, вот, не успел... Смерть жнет даже богов, а Валерий Иванович, хоть и был типом, незаурядным – до богов ему как до Пекина. Кто там говорил: „Пусть мертвые хоронят своих мертвецов!“? Какой то американский генерал, ... а может – полковник. А это: „Вы, что – хотите жить вечно?“? Тоже кто то из них. Интересно! У них там все такие умные!? Ну, да черт с ними!»

Пока Голицын пил чай – Смирнов расстелил постель и первый улегся, ну, если не спать, то подремать. И Голицыну ничего не оставалось, как первым «заступить на пост». Дело было, даже не в гипотетической опасности, просто это, подразумевалось автоматически. Заснуть и не проснуться в результате насильственных действий третьих лиц – самая глупая и бездарная кончина, к которой оба были не готовы. И если имеется возможность себя обезопасить, хотя бы минимально – это нужно сделать непременно. Знание, «вбитое» в голову, и усвоенное на уровне «рефлекторной реакции». (Конечно, еще существовала вероятность, быть отравленными проводницей – чай то они, все таки пили! Но, учитывая обстоятельства, это было – крайне маловероятно.)

– Слушай, Коль! Я хотел спросить – а там, на дороге, что это была за группа «дэбилов»? И почему мы их отпустили? – Майор видел, что Смирнов не спит.

– Да-а... Не бери в голову! Так, «пехота» клыки точила. ... Да какие там клыки.. Николай, блаженно потянулся и закинул руки за голову.

– Так, а зачем мы с..., то есть ты с ними говорил? Мне, всегда казалось, что сначала надо стрелять, а пото-ом уже говорить.

– Не, Сань. Ты отстал от жизни! Сейчас у сопляков «новый формат» общения! Называется: «базар»; «стрела»; «наезд»; ...так, что там еще..., а – «качалово», «терки», «предьявы», ну, в общем, сразу стрелять нельзя – это «беспредел». Могут объявить «отморозками» и «гадами». ... «Этикет» социума! Правда... – не лучшей его части.

– Ну...?

– Что: «Ну..» – не понял Смирнов.

– Ну – «объявят»... А куда – «объявят»? И как? ...Если они мертвые? А кто такие – «гады»? ...Нет, погоди – почему ты им представился, каким то «Колей – солдатом»? ... Коля! «Мама» чего то не знает?

Смирнов поднялся. Разговор переставал ему нравиться.

– Вот именно – «Мама...»! Да, Саня. «Мама» чего то не знает! Вкратце: да, «Коля – солдат» – это я..., в определенных кругах. Да, эти парни, видимо слышали обо мне. Все Саня! Больше «маме» знать не положено.

Голицына откровение друга не шокировало, не обескуражило. Он считал, что: «Каждый человек имеет право выпить свой стакан „лафита“. Это нормально». Но разъяснений он все таки не получил. Поэтому, видя, что его друг не расположен к беседе на эту тему, задал последний вопрос, как можно деликатнее:

– Слушай, Коль. Я для себя – уточнить! ... Это ...по службе, или... так..., сам?

Смирнов ответил неохотно:

– Знаешь, Санек... – и так, и так. И примерно в равных пропорциях.

Смирнов снова лег, а Голицын вновь погрузился в размышления, что не мешало ему, исполнять обязанности «часового». Он пытался систематизировать и упорядочить свои мысли и ощущения. С одной стороны – все, вроде нормально и правильно. Но... Что то было не так! И это «что то» Голицын пытался вычлениить из имеющихся данных.

«Так. Давай по порядку! Первое: похоже, только я не сохранил связь с «конторой».... Второе: документы – сверхсекретные..., а «хвоста» нет! ...Вроде бы, логически, я сам себе этот факт аргументировал, но... – то я, а как оно на самом деле? Третье: КОЛЯ! Оказывается, у парня тоже есть свои... «секретики». Да-а! Интрига!!». И четвертое: ...Как в этом – «способе №1»...: «... «четвертое» соединяет в себе три предыдущих, и образует «пятое!»». Вроде так! Н-да... И, что же это у нас получается... А получается, что дружище Колян, и может быть, тем самым «рудиментом»! Ну,... так получается! Это, если отбросить всю патетику и сантименты! А с другой стороны: «ласты» то, мне еще не «склеили»! В чем подвох?»

В личное дело Александра Сергеевича Голицына 1950 г.,р., (которое, сам он, безусловно, в глаза не видел) психологами, психиатрами и специалистами в области стрессоустойчивости из «Института мозга» была сделана запись о том, что Голицын А. С.,: «... обладает абсолютной организацией и структурированностью памяти в объеме 9+/- 4 интегрированной информации, стабильность гиппокампа на уровне 120, консолидация 93%. При поступлении в организм марганцево-фосфорных соединений с адреналином – количество серотонина возрастает, и этот показатель увеличивается до 98%. Заключение: реакция организма на возникновение стрессовой ситуации – атипична. (При выбросе адреналина, увеличение количества серотонина наблюдается у 4,9% обследуемых). В этом случае, показатели биохимических процессов в мозге объекта, приближаются к способности интуитивного принятия решений.»

Голицын, благодаря своей работе, в стрессовые ситуации попадал часто. И оставался живым! Правда, поскольку он никогда не видел свое «Личное дело» и не интересовался, вся-

кими там, результатами тестов и медицинских осмотров (прошел, да и ладно), он искренне считал что, всего лишь, осторожен и подозрителен, а еще, что ему «просто пока везет».

– Николаша-а! – Голицын слегка потряс друга за плечо. – «Пост сдал.»

– «Пост принял». – Еще в полудреме, зевая и потягиваясь, откликнулся Смирнов. – Только ..., это, Сань, погоди, я щас в галльон сгоняю.

Голицын так и не принял окончательного решения по поводу того, что его беспокоило. Он решил пока подождать. Слишком мало данных. А делать поспешные выводы... – порой бывает чревато. Кроме того, он считал Смирнова другом. Настоящим. И... «В общем – пока ждем!» – решил про себя Голицын, потому, как к «дружбе» относился трепетно и нежно! ...Но, как человек взрослый, адекватный и, в меру, циничный – особых иллюзий не питал. «Дружба – дружбой, а служба – службой!» – как любил повторять один гад, которого они, в далеком 81-м, грамотно «шлепнули» за такую вот жизненную позицию.

Смирнов вернулся – умытый и довольный.

– Санек! Там девицы! Две. ...Ты как?

– Ну, ты же знаешь, любовь моя – я тебе не изменяю! – Голицын раскатывал матрац, всерьез полагая, что ляжет спать.

Но, как известно: «Человек предполагает, а бог – располагает!». Девицы пришли сами. Видимо, нечеловеческая харизма Николая, покорила их сердца и внесла сумятицу в неокрепшие умы. Дамам было, лет по..., двадцать... И это – невероятный максимум! ... Но – они оба были не женаты и, оба, по странному стечению обстоятельств, не обременены подругами. «Ну и ладно...» – сам себя, то ли убеждал, то ли успокаивал Голицын. – «Между прочим, Лукреции Борджиа было вообще одиннадцать, когда...».

...Они вышли из поезда. В Анапе лил дождь, был ветер. В общем погода была отвратительная. Товарищи стояли под дождем и, хмуро, оглядывали невзрачное здание вокзала. ... Голицын, так вообще, не спал ни минуты. И еще... – у него болело почти все! В процессе... «оргии», у него свело (самым натуральным образом) правую ногу и, он как то умудрился, вывихнуть плечо! Но, более всего остального, пострадал ...ОН. Словно, ЕГО – сначала били палкой, потом – содрали кожу и обильно посыпали солью!

– Колян... Меня помяло, словно бампером от электрички... Хотя, у электрички, вроде, нет бампера, – вяло изрек Голицын.

Смирнов, ни с того, ни с сего – нервно «заржал».

– Блин! Это хорошо еще, что хотя бы жопа не болит! Вот как, мы так умудрились...?

– МЫ?? – Голицын покосился на друга. – Коля! Я прошу тебя – БОЛЬШЕ НИКОГДА ТАК НЕ ДЕЛАЙ!

Девицы работали танцовщицами в московском клубе «Пилот», жили на съемной квартире и, вместе, ехали домой – это то небольшое, что удалось выяснить Голицыну, прежде, чем его «накрыло».

Непонятно как, но два взрослых мужика, «спецы» тайных операций, прошедшие мыслимые и не мыслимые инструктажи, каким то образом повелись на, видимо, еще более нечеловеческое обаяние девиц – и употребили вместе с ними странный «медицинский» препарат в виде таблеток, окрашенных в радикально синий цвет, с логотипом автомобиля «Мицубиси» на аверсе. Девицы называли его «экстази».

...Спустя шесть часов, результатом было их нынешнее состояние.

– Ладно, наверное, надо мобилизовать скрытые резервы, или ресурсы организмов и куда то пойти. – Вяло изрек Смирнов. – А то мы, по-ходу – «палимся»!

Слово «палимся» добило Голицына. Его тоже разобрал истеричный смех. В том числе – и от собственного, крайне идиотского, самочувствия

– Ты дурак, Коля!...Ладно, – сказал он немного успокоившись. – пошли уже... Страдалец!

Они, не спеша, прошли через вокзал, по дороге попили чай с лимоном, и купили «Кока – колу». На площадке перед вокзалом, по периметру обсаженной «кипарисами», было... немногочисленно. Вообще никого не было!

– Саня!? А мы, вообще, где? ... Это ведь – Анапа, правда? А где дома..., машины, люди? – Смирнов сделал вид, что сейчас расплатится.

– Соберись – «тряпка», – Голицын попытался придать своему голосу «командирское звучание», но получилось... слабовато. – Тут до города... это, если в километрах: пять – семь..., ну в общем всего ничего. Готов!? Пошли!

– Нет!... Я не готов!... Не иди! Не бежать! ... Я хочу писать и спать!.. Потом встать..., пописать и снова – спать!

– Ладно.. Не ной. Сейчас попробуем такси найти.... Пошли пока в здание, там, может, телефон найдем.... Нет, Колян! Никакой ты не «Коля – солдат», ты – Сонный Ссуль! Ты там, этим своим передай, чтобы тебе «погоняло» твое «переклеили».

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу... Голицын! Вот, что ты за человек такой!?! ... А мы куда, вообще, едем – то? Я, что то, только сейчас начал понимать! Ты куда меня везешь – ирод!?

– А, да... Колян, совсем забыл тебе сказать! Мне позавчера знакомый один позвонил. Сказал, что срочно нужны кое какие органы, для трансплантации. ...Я пьяный был, ну и – сказал, что найду добровольца... Так, что, ты это, выручай меня! Не помнишь – какая у тебя группа крови?

– Вы debil, товарищ майор! – Смирнов вяло опустил на подоконник. – Иди уже, такси ищи! Трансплантолог...

Машина подъехала минут через пятнадцать. Правда, заслуги Голицына в этом не было. Он так и не смог добиться от «обитателей» вокзала ни номера такси, ни, тем более, телефона – позвонить. Вредные тетки-кассирши, наотрез отказывались сотрудничать!

Договорившись с водителем, они «погрузились» в машину. Это была – МАШИНА! BMW – 650i, в 23-м кузове! Красного цвета. Голицын автоматически запомнил номер: н 8267 кр. Машина была зарегистрирована в Крыму, то есть, теперь уже – в Украине. Смирнов, несмотря на свое «коматозное» состояние, восторженно ощупывал салон автомобиля и бормотал себе под нос: «Офигенный аппарат!». В салоне было почти бесшумно и, водитель, видимо услышав эту «предоргазменную рефлексию», тут же оживился:

– Нравится!? Покупайте!

– Да-а! Рад бы в рай, да денег нет. – С сожалением сказал Смирнов. – Слушай! А не накладно таксовать – то? Тут же пять литров!

– Пять с половиной – по ПТС... А таксовать... Накладно, конечно! Но другой машины нет. Эту мне брат привез из рейса. У нас здесь детская здравница – огромный комплекс. Я, вообще то, врач – дерматолог. Детский... Ну, как у нас сейчас... Сокращения. Вот – теперь таксист.

– А за сколько продаешь? – Смирнов покрутил головой, высматривая, что то за окном. – А где Анапа то? Ни фиги себе, Санек – пять километров!

Таксист чуть притормозил:

– Так, я не понял! Вам в Краснодар или в Анапу?

Оба обернулись к Голицыну, комфортно расположившемуся на заднем сидении. Голицын полулежал с закрытыми глазами, и также, не открывая глаз, развеял сомнения «рулевого» и «впередсмотрящего»:

– В Краснодар, как договаривались!... Наверное, лучше через Крымск!

Смирнов отвернулся и скорчил «озадаченную рожу»:

– Да... Странной дорогой идете, товарищи! – и, решив, что такая мелочь, как неопределенность пункта назначения, не стоит его драгоценного внимания – вновь переключился

на водителя. – Э... Прошу прощения! ...Нас грубо прервали! И так..., о чем мы с вами..., а, так, за сколько продали бы аппарат?

Таксист, в прошлом – детский врач-дерматолог, провалами в памяти не страдал. Он прекрасно помнил о том, что денег у пассажира нет. Но, из вежливости, ответил:

– За шесть – продал бы.

– А какого года машина? – Смирнов задал вопрос спокойно, даже небрежно. Но внутри у него все «зудело»! Этот «зуд» знаком каждому, кто: «ПРИВЫК к машине; в настоящее время находится в активном поиске, и не просто ТС, а – АВТОМОБИЛЯ; увидел ТО, ЧТО – НАДО!». Николай знал, что на двоих с Голицыным – у них такие деньги есть!

– Да, в принципе, еще не старая. Восемьдесят третьего года. У меня – чуть больше года. Все работает.

Смирнов повернулся к Голицыну:

– Саня! ...Сань! А у тебя сколько денег есть?

– Нисколько... Есть шерсть – на одном месте... Тебе зачем? – раздраженно спросил Голицын, так и не открыв глаза.

– Санек, я хочу эту машину купить! ...Блин! А у меня только три... «Добей» мне, а когда приедем – я отдам.

Голицын резко открыл глаза и проморгался:

– Тебя, че – контузило, что ли!

Смирнов умоляюще посмотрел на друга.

– Дай! А? ...Пожалуйста!

Майор вздохнул:

– Коля! Жить, тогда, мы на что будем? Когда приедем – ты отдашь! ...А сейчас – как?

– Да, это..., все нормально! Я позвоню родителям – они вышлют! А мы в Краснодаре их получим! И все – огонь!

– Родителям? – Голицын сделал вид, что поражен. – А ты, разве, не «пробирочный»? Я, сколько тебя знаю, был уверен, что таких чудиков можно вывести только искусственно. Путем долгих проб и фатальных ошибок! ...Ну, извини!

Голицын перевел взгляд на таксиста.

– Скажите, а товарищ Мессинг – не родственник вам!? Вы его, что – загипнотизировали! ...Он, вроде, гипнозу плохо поддается...

Машину они переоформили в Крымске. Ну как – переоформили... Просто выписали вторую генеральную доверенность и передали деньги таксисту. Николая не смутил, даже тот факт, что, ехать и снимать ее с учета теперь придется самому. Естественно, никакие ВИН-коды никто не сравнивал... В общем – «охота» пуще неволи. Зато, теперь, счастливый обладатель «экслюзива», как обычно – «пулей» гнал машину в сторону Краснодара.

– Санек! О чем задумался? ... Да не переживай! У нас – же осталось почти пятьсот долларов! Да и родителям я позвонил...

– Деньги – брызги, Коль. ...Вообще не об этом думаю. Вернее вообще – не думаю! Ты, рули давай. Не отвлекайся!

Голицын закрыл глаза и откинулся на переднем сидении. Он не думал, он – вспоминал... 1988 – й год. Афганистан. Провинция N. ... Эта операция могла бы войти в учебники... Могла бы – но не вошла! Ввиду особой секретности, как подразделения, ее проводившего, так и обстоятельств, проведения самой операции. ...И, наконец, самым секретным, была сама причина, проведения этого «уникального» убийства – это был «частный» заказ. Полковник (на тот момент еще подполковник) Голубев – исполнил его мастерски! ...Их было семь человек – неполное отделение. Среди задействованных не было никого, младше «капитана» – все опытные бойцы. Голицын вспоминал, как они «перли» через Панжерское ущелье, по полному

бездорожью, какие – то ящики, и все гадали – что в них? Смирнов настаивал, что – атомная бомба с бикфордовым шнуром; Голицын и Гольман, что – «гиперолоид инженера Гарина». Были и менее сумасшедшие версии, ближе всего к истине были Гольман и Голицын. Они остановились на отметке: 2400м., до цели, и собрали агрегат. Целью был... – дом или, наверное, вилла, окруженная забором и, многочисленными, подсобными помещениями. Фортификация этого «жилища» была – исключительной! Численность гарнизона не известна. Вокруг объекта – полностью простреливаемое пространство, ни одного укрытия, ни одного камня крупнее человеческого кулака, минные поля... В общем, штурмовать, даже с батальоном – не вариант! Полковник, (извиняюсь – подполковник) до такой банальности и не думал опускаться! Он выставил «заслоны», посты наблюдения, и, по записям в блокноте, настроил аппарат. ... Через 72 часа, была дана команда собрать агрегат и «отходить». Спустя, примерно два месяца, все рядовые участники мероприятия, получили по тридцать тысяч, и строгое устное предупреждение: «никому... и никогда...». Подполковник Голубев мыслил крайне нестандартно! В качестве «оружия массового поражения», он использовал мирную и полезную в хозяйстве, очень мощную рентгеновскую установку из института «Геодезии», разработанную и предназначенную для поиска полезных ископаемых в недрах планеты, на больших глубинах. Установка, кстати, на тот момент, была единственная в СССР. Как он ее получил, сколько и кому «дал на лапу» – неизвестно. ... Это была единственная операция, где нападающие не сделали ни одного выстрела, а среди обороняющихся – никто не выжил, даже попугай в клетке! О том, что это был банальный «заказ» одного «наркобарона» другим, Голицын узнал только через три года, и то – случайно. Валера Воронов «просветил». А заодно – и какая сумма, в действительности, была заплачена нашему командиру! ... Большая! Однако, сей факт никоим образом не влиял ни на изящество подготовки и планирования, ни на красоту исполнения операции. ... А Голицына всегда восхищала «красота», и, ... люди, творившие её.

И, может быть, именно за «красотой», он мчался сейчас! Не за банальными: долгожительством и неуязвимостью, а именно за красотой самой идеи! Ведь это же красиво – бессмертные люди! Могучие люди! Способные почувствовать тахионный смерч и расправить крылья, подобно ангелам! Вспомнить ВСЕ! ... И, может быть, ... что то – изменить, ... переиграть, ... убить того ублюдка, чтобы ОНА осталась жить! ... Каждому, кто ЖИВ – есть, что ПЕРЕИГРАТЬ!

Голицын вернулся к действительности – открыл глаза и, без преамбул, как будто их разговор не прерывался, спросил:

– Коль, а как ты думаешь – почему у нас «хвоста» нет?

Смирнов, не сбавляя скорости и не поворачивая головы, помолчал немного, потом, очень спокойно, произнес:

– А кто тебе сказал, что – нет?

И оба замолчали... Голицын полагал, что Николай продолжит. Смирнов же, вообще, не был настроен на ЭТУ беседу, но безусловно, знал, что она должна будет состояться. Он, только надеялся, что – не сегодня! «Блин, Саня – ну, что за привычка... Все – не вовремя! Я устал, хочу спать... Нет! Надо сейчас завести эту нудятину...» – про себя ругался Смирнов, но, он уже понял, что до завтра это не подождет – он достаточно хорошо знал своего друга.

– Ну... – нарушил, затянувшееся молчание, Голицын.

– Что: «Ну»?.. Что ты все: «Ну», «Му». Не мычи! Хочешь, что то, спросить – нормально это сделай! Что бы тебя поняли! – Смирнов был очень раздражен. Возможно, еще сказывалось действие того «препарата», которым угостили их малолетки, в поезде... Ну и отсутствие сна, конечно! Но, он решил – «закрыть» этот вопрос сейчас! Немедленно! – Только, ты сначала ХОРОШО все обдумай! ... А то, ведь, можно и по морде схлопотать!

Голицын отвернулся и уставился в окно. Минут через десять, Николай, решив «разрядить» ситуацию, пусть даже, ценой сильного эмоционального всплеска, вернулся к теме:

– Что замолчал?

– ...Боюсь – по морде схлопотать... – ответил Голицын, по прежнему, глядя в окно.

– Вот только не надо – обиженного из себя корчить! ...Вообще то, это мне, надо бы обидеться! Ну давай – спроси, что ты там хотел?

– Только не надо орать! ...Цаца! А, что я должен был думать? ...Я, между прочим, тебя спросил...! И что ты мне ответил: «...не твоё дело»!

– Да! Санек! Это не твоё дело! ...Я не знаю, почему про тебя не вспомнили... Может потому, что ты очень много «думаешь», а «им» надо, что бы – «делали»! Но я не твой «хвост»! ...Я твой друг! ...Для «нашей конторы», я, выполняю очень «узко-профильные» задачи и поручения. Информую, но, опять же, в рамках своих «задач». И, ты знаешь... Если бы мне пришлось выбирать между интересами страны и дружбой – у меня хватило бы сил стать изменником! Да... И, кстати, Валерий Иванович был прав, когда говорил, что ты – «плохой актер»!

– В смысле?

– Да в прямом, Саня! В прямом! ...У тебя на «лице все написано». Что, думаешь – я не понял, когда именно, ты, вдруг, решил, что я могу быть «гнидой»!

– Ну, хватит, Коль. Почему сразу – «гнидой» – то...

– Санек! А как бы ты назвал друга, который тебя продал?

– ...Ну, да. Коля! Ты... извини... Я, наверное – съел, что то, не то! – Голицын, мысленно, обозвал себя «дураком». «Ситуация не прояснилась, а Коляна, получается – обидел! Дурак – а кто же еще!»

– Ладно. Принято. ...А, знаешь, если бы я был приверженцем учения Конфуция – я бы решил, что, заподозрив меня в такой мерзости, ты сам способен на такое! Ибо, как учит Конфуций – человек познает и видит окружающую действительность, исключительно, через призму собственного сознания! Потому, как, не имеет никаких других приборов и приспособлений.

Голицын решил, что после употребления в поезде, этих странных таблеток, у него начались слуховые галлюцинации. Потому, что поверить, в то, что его друг Николай, знает слова «Конфуций» и «призма», было гораздо сложнее, чем, даже, в собственную временную неадекватность. Он подозрительно, покосился на товарища и переспросил:

– Чего, там Конфуций...? Каких приспособлений? ...Колян, тебя что – еще не отпустило!?

Смирнов, проигнорировав насмешки друга, продолжил спокойным менторским голосом:

– Конфуций выдвигал теорию о том, что, все: события, войны, друзья, враги, люди, катаклизмы, любовь, рождение и взрывы сверхновых, даже наш с тобой разговор, в общем – ВСЕ, это происходит в твоём воображении! Так как, разум одного человека, не в силах логически ОБЪЯСНИТЬ САМ СЕБЕ, наличие еще одного разума! Отсюда постулат – разум придумывает себе личность, окружает себя представимой ему действительностью, сам с собой разговаривает, ну..., то есть, думает, что разговаривает, потом, когда ему все надоедает – притворяется, что умер. Короче – ты разговариваешь сам с собой и слышишь сам себя, и меня для тебя – не существует. То есть – существую, но как воображаемая личность, воображаемый друг и собеседник. Так, что, если верить Конфуцию – ты один во Вселенной! Нет..., ты вообще – один! И события происходят только тогда, когда ТЫ обращаешь на них СВОЕ внимание, и только те, которые ТЫ замыслил! Отсюда и ощущение течения времени. От того, что ты последовательно фокусируешь внимание. ...Примерно так!

Майор почувствовал, что от всей этой галиматии, у него начинается мигрень.

– Брат, ты меня прости, но я ничего не понял... Кто кого воображает...? Из всего того, что ты сейчас наплел следует только то, что это ты выдумал, что твой друг в тебе усомнился... Ну, или, что тебя – вообще не существует! Вот такая фигня, малыта! И при чем здесь Конфуций вообще?!... Кстати, не Конфуций, а Конфу Цзы! Может, ты не в курсе, но он был китайцем!

Николай вздохнул:

– Голицын! Вы нудный тип...

Майор усмехнулся:

– За то – умный! И еще... я старше по званию! Так, что – слушай! ... Мало ли, может пригодится. Конфуций, сам по себе был – китаец. Он вообще не при делах! ... Ну, а то, чем ты мне, только что загадил мозг, называется «солипсизмом» и придумано, чуваком по имени Дакарт! Представляешь, этот персонаж, в молодости был наемником! Перерезал пол Европы! И, наверное, в процессе этой жизнедеятельности, у него съехала крыша. Причем – напрочь! Он взял, да и придумал, что мол, никого не убивал, ничего не знаю – я все это сам себе вообразил, мне все почудилось! Он уволился со службы, заделался философом и устроился жить во дворце Шведского короля. Вот такой энергичный малый был... И, все бы ничего, но, он к тому же, из любви к искусству видимо, принялся сводить с ума тогдашнюю Шведскую королеву, своими представлениями об устройстве мира. Ну, а потом, он сдох! Хотя, не исключено, что ему могли помочь в этом, очень интимном мероприятии... Конечно – шутка ли, буровить такое в приличном обществе! Мне кажется – он был наркоманом и психом, к тому же... Короче, вся его философия, совершенно спокойно укладывается в два предложения: «В реальности ничего нет, есть только воображающий индивид и воображаемый мир. Реальность индивида не в его существовании, а в его мышлении». То есть, все вокруг, в том числе и ты сам, есть результат твоего собственного воображения. ... На мой взгляд – весьма сомнительное утверждение.

Голицын замолчал, но, через секунду, продолжил:

А...! Вспомнил еще одного, большого оригинала! Персонажа звали – мудрец Еклизиаст. У него, этих мудрых мыслей – на целую книжищу! Что то, типа: «... Состарилась овца и не дает молока!!? Сожри ее! Ибо какой еще толк от овцы!». Ну, и прочие житейские мудрости...

Николай притормозил, перед волочившемся по дороге «Камазом», включил поворотник и, выжидая момент для обгона, сказал:

– Да-а... Может, этот Дакар был серьезно болен?! ... Это же – шизофрения в чистом виде! Практически – классический случай! ... Кстати, я в каком то журнале читал, что Иисус, а до него – Моисей, страдали галлюцинациями и расстройствами нервной системы! У Моисея организм сам по себе вырабатывал ЛСД, поэтому он видел горящие кусты и слышал голоса! А психоз Иисуса, вообще – был заразен!

– Да-а, психов было полно во все времена. Но, знаешь, что заметил! Что, в основном, они появляются на руинах цивилизаций. Египет стал «загибаться», пожалуйста – Моисей! Римская империя, практически, уже прекращала функционировать, как территориальная единица – появился «сын божий из Назарета» и добавил «кипятка», да так, что Александрию сожгли, вместе с библиотекой и двадцатью тысячами верующих в богов Греко – Римского пантеона, в Европе пятьсот лет пылали костры Инквизиции, а Латинскую и Южную Америки, вообще – под нож пустили. СССР развалили – Мария Деви Христос, ОУМ Сенрикё и прочая мерзость так и полезла! Кошмар, Коля!

– Кошмар... Что делать будем?

– Это, я полагаю – насущный вопрос, а не гипотетический, верно?

– Абсолютно.

– Тогда, – Голицын посмотрел на часы, – время уже шестнадцать сорок шесть... В гостиницу. Завтра начнем!

– Отличный план! – Смирнов даже прибавил «газа». – Спать хочу – умираю!

– Может – девочек, а Коль!?

Смирнов устало выдавил смешок.

– Кстати – с праздником тебя...

– ...?

– Седьмое ноября! Красный день календаря! И Великой Октябрьской Социалистической Революции! Кажется – так.

- Его же отменили...
- Ну, да... Точно. ...Слушай, Сань! А, зачем мы все – таки, туда едем – то?
- Проверить кое – что надо. Завтра узнаешь, вернее мы оба завтра узнаем! Может, это вообще – «порожняк». Тогда и говорить будет не о чем.

г. Краснодар
8 ноября 1993 года.
Понедельник.
Утро.

- ...Блин! Санек! Ты какими то закоулками нас ведешь! Куда дальше – то?
- Коля, если ты не можешь разогнаться до двухсот – это не значит, что мы едем закоулками. Это, практически, центральная улица. Вон, видишь, где ПАЗик поворачивает!? Нам, там налево и первый поворот направо. И все. Все просто.
- Улица Пушкина... Налево?
- Да-да.
- Тут черт – е – что, а не дороги!
- Россия, брат...
- А сейчас – направо? Это бульвар какой – то...
- Да-да, Коля, все правильно. И прямо, до конца... Перед перекрестком с Красина – припаркуйся, гденибудь. Дальше пешочком прогуляемся. ...У тебя, кстати, какие –нибудь «ксивы» есть?
- ...Да. Как обычно... – Смирнов порылся во внутреннем кармане, достал «удостоверение», раскрыл и «пробежал» глазами, освежая в памяти – кем он, собственно говоря, является. – Ну да. ...Ля-ля-ля-ля-ля, подразделение «Р.О.С.А.» ГШ МО, подполковник Силушин Роман Станиславович. Все четко.

В папках, которые Голицын вытащил из сейфа в Белом доме, на странице 29, где речь шла о «причинно – следственных цепочках», была фраза о том, что система мультиплета вмещает в себя все «возможные», «вероятные» и «невероятные» варианты событий и дает им дальнейшее развитие. Александру Голицыну и, соответственно, Николаю Смирнову – не повезло! Видимо, они находились не в той «вероятности».

Заместитель начальника по воспитательной работе, подполковник Клименко, был учтив и любезен с «равным» себе по званию, подполковником Силушиным Р. С., и сопровождающим его лицом. Тем более, что никакой «страшной государственной тайны» они не выпытывали. Он сообщил, что занимает эту должность четыре года, и прекрасно помнит преподавателя «факультатива по инженерно-тактическим диверсионным и противодиверсионным мероприятиям», а также, прекрасно помнит и то, что когда, в целях «оптимизации» учебного процесса, предмет этого преподавателя, перевели из «зачетных» в «факультативные» – подполковник запаса Кадочкинов В. С., подал рапорт (прошу прощения – написал заявление) на имя начальника училища, об увольнении с занимаемой должности. Заявление приняли, и, в установленные регламентом сроки – удовлетворили. И было это в 1992-м году.

- Насколько я в курсе, они сейчас переориентировались в предпринимателей! Кадочкинов – отец, Кадочкинов-сын и...
- И «Кадочкинов – святой дух»? – сострил Смирнов.
- Что? ...А, смешно. – Вяло отреагировал подполковник. Видимо, он был любителем более изысканного юмора, либо счел это – богохульством. В эти «смутные» времена,

кого только не «затягивает» в «пирамиду света высокой духовности». – Нет: Редюнский. Это помощник и, вроде, ученик Кадочкинова.

– А не в курсе, он здесь – в Краснодаре предпринимательствует? – задал, наводящий, вопрос Голицын.

– Вы знаете, насколько я в курсе, они работают, где то в Москве. Вроде бы, занимаются подготовкой каких то частных охранных структур... Более точно сказать не могу. Прошу прощения – я тороплюсь. Всего хорошего.

«Стоять! Вежливая скотина!» – Голицыну, невероятно сильно, хотелось сказать это вслух, но вместо этого он, ележным голосом, спросил:

– Извините пожалуйста, товарищ подполковник! Еще секундочку... – Подполковник, досадливо поморщился, но обернулся и изобразил «внимание». – Я закончил это училище в... восемьдесят первом, – на всякий случай, соврал Голицын. – и Валентин Сергеевич, уже тогда... был, мягко говоря – пожилой. Когда вы его видели, крайний раз, как у него со здоровьем было?

Взгляд подполковника «потеплел». Может, он, втайне мечтал, что кто –нибудь из его «питомцев», тоже, когда –нибудь, вот так приедет, чтобы встретиться с ним, и умываясь соплями, скажет, что только благодаря ему, он стал настоящим человеком, офицером, мужчиной в конце концов. Или – поинтересуется его здоровьем тоже. Он ведь такой замечательный преподаватель – практически, как «отец» для них. Для всех этих – «недочеловеков» с курсантскими нашивками! Тварей неблагодарных!

– Вы знаете, молодой человек, – видимо, произведя в уме подсчет, подполковник решил, что может назвать Голицына «молодым человеком». – Мы с вами так не выглядим, как он. Чего – чего, а здоровья у «господина» Кадочкинова – на десятерых, по моему! Хотя – я не доктор... Это все? Всего хорошего.

– Всего хорошего. – практически хором, сказали друзья.

– Какая отвратительная рожа! – сказал Смирнов, когда они вышли на улицу.

– Обычная. Все замкомы по воспитательной работе, по моему, даже выглядят одинаково. Все мнят себя прирожденными воспитателями, считают, что их собственный «образ и подобие» – идеал, под который надо подогнать всех! И искренне удивляются – почему нет благодарности за их неустанную «заботу»!

Смирнов достал последнюю сигарету, прикурил и запустил пачкой в урну.

– Ну, что дальше?

Голицын закусил нижнюю губу, помолчал пару секунд, глядя куда то в пространство, потом, встrepенувшись, резко сказал:

– Домой! Больше некуда.

– А по пути – просвети меня по поводу того, что мы здесь делали и кого искали! Уже можно – надеюсь!

– Уже – да...

...Голицын рассказал другу о том, почему он решил найти своего бывшего преподавателя, и о том, почему спросил у подполковника о здоровье Кадочкинова.

– Да, Санек! Мужик! ...Приедешь домой, первым делом выпори свой мозг и в угол поставь! Вам с ним весело живется. И это ж надо! Сорвался! Поехал! Ты о чем думал!? Так можно к любому человеку прицепиться... Дескать – долго живет, быстро ходит... Значит – «жертва» экспериментов, не иначе!

– Да ладно... Кругом одни критики! ...Есть и хорошая сторона – узнали, что за нами никто не гонится!

Николай выразительно глянул на товарища.

– Уверен? – И таинственным шепотом добавил: – Враг по – всюду!

– Ну, хватит уже. Я же извинился... Да – и машину ты себе купил! Поездка удалась!

– Это – да!

– А еще я хочу сказать, что Кадочкинова все равно надо найти! ...Ты понимаешь: да – долго живет и очень быстрый, это одно. А «бесконтактный бой»? Я, между прочим, лично на себе испытал! Больно – капец. И еще кое – какие детали сходятся. Например: место его службы и инициатор создания лаборатории в 49-м – это одна и та же организация! Ну, практически – одна. ...Твою мать! Колян, смотри – авария! Тормози – может живой кто есть!

– Вижу.

Смирнов аварию тоже видел, однако, останавливаться не собирался. Просто никогда этого не делал, но тон Голицына был настолько безапелляционным, что настаивать на своей жизненной позиции, Николай посчитал несвоевременным. Он сбавил скорость, проехал место столкновения и прижался к обочине.

– Глянь в той машине! – распорядился Голицын, а сам бросился к другой.

Столкновение было сильным: обе машины, смяло основательно – та, к которой побежал Голицын, еще и дымилась. Голицын с первого взгляда определил, что водителю помощь уже не требуется, но, тем не менее, проверил наличие пульса и дыхания... Тишина. «Остывает» – про себя отметил майор и начал процедуру «досмотра». Никаких угрызений совести он при этом не испытывал, искренне полагая, что мертвому, уже вообще ничего не нужно, а до родственников имеющиеся ценности все равно не дойдут – ГАИшники и «Скорая» подчистят. Он вывернул карманы водителя, осмотрел «бардачек» и салон. Документы – не тронул; в «бардачке» обнаружился... – Сотовый телефон «Моторолла»! В 1993-м году – невероятная роскошь! Осмотр салона выявил наличие большого кожаного портфеля, сделанного, несомненно, в СССР. Такими портфелями могли «похвастаться», наверное, половина граждан Советского Союза. Портфель «забился» под переднее правое сиденье. Голицын извлек чемодан и проверил содержимое...

– Коля! У меня – «холодный»! У тебя, как?

– Двое – мужчина и женщина. Помощь не требуется... Уже. Поехали! На ближайшем посту сообщим.

Подъехала и остановилась еще одна машина.

– Что случилось?! Помощь нужна?

Смирнов, подходя к своей машине, отрицательно помотал головой:

– Все – трупы! Пост ГАИ далеко?

– В ту сторону, – мужчина указал в сторону «по ходу» движения Смирнова, – километров с двадцать!

Смирнов кивнул и сел за руль.

– Коля! Трогай! Через пять – шесть километров найди какую – нибудь стояночку. – Голицын произнес это очень спокойно, даже чуточку вальяжно.

Смирнов вопросительно посмотрел на друга. Голицын, молча, указал на чемодан, лежащий на коврике, за его сидением.

– А что это? ...Из той машины!? А что там?

Голицын, жестом предложил товарищу посмотреть. Смирнов, не отрываясь от процесса управления, двумя пальцами раздвинул «створки» портфеля..., и замолчал.

Минуты через три, видимо, вновь обретя дар речи, Смирнов изрек:

– Я теперь всегда буду останавливаться! Хотя-я... – подозреваю, что еще имеет значение – КТО останавливается! ...А, знаешь, Санек – с тобой выгодно дружить... и служить! Ты – «фартовый»! ...Еще Мордачев говорил...

Они свернули с трассы – поделили деньги, как обычно – по братски, но не поровну, при этом Смирнов не забыл вернуть долг, и выбросили портфель, предварительно протерев бензином. Телефон, Голицын брат не стал. Он прекрасно знал возможности радио – электронной разведки (образование – то, соответствующее), и, практически был уверен, что, даже отсоединенный от питания, этот «гад» может передавать координаты своей позиции.

Дальнейший путь они проделали, пребывая в очень хорошем настроении, и обсуждая планы на ближайшую перспективу. Надо сказать – ничто не стимулирует так – как неожиданная «халява».

Не известно, кто был этот погибший мужчина. Очень может быть, что, какой –нибудь, курьер. В это время – повальной приватизации, периодических обменов денег, чеченских авиавозов, «левых» обменных пунктов и накопления первичного капитала зарождающейся буржуазией, при полном отсутствии государственного регулирования, такие «инкассаторы» были не редкостью. За ними охотились и убивали, некоторые погибали вот так – в автомобильных авариях, но во всех случаях, они, как сказочные гномы – дарили людям радость и надежду! Причем, как в живом, так и в мертвом состоянии! В «живом» – тем, кто эти деньги ждал (не путать с хозяевами денег, это могут быть совершенно разные люди), а в «мертвом» – всем остальным. Этот «гном» был... – ну очень «жирный»! Восемьсот семьдесят тысяч долларов!...

Надо сказать, что ни у Голицына, ни у Смирнова, не возникло глупых мыслей о смене социального статуса, переезде на Багамы и прочей ерунды. Они оба, в первую очередь, были – офицеры, не представляющие своей жизни «вне системы». ...А деньги – деньги это хорошо! Только и всего.

– Саня. Я вот подумал – а почему бы нам, этого, Даниловского, сразу, не найти. Он то, точно может все рассказать! Зачем эти поиски твоего инструктора. Лишний «движняк»!

– Нет, Коля! Помнишь – мы решили! Как минимум – год, ни о каком Даниловском даже не вспоминаем! И ни о каких бумагах! Я решил найти Кадочкинова, только потому, что «есть кое – какие параллели» с этими бумагами. Параллели, Коля! Кадочкинов, непосредственно с этими бумагами не связан, а если мы сунемся к Даниловскому... Во – первых: «засветимся»! Во – вторых: ... все, вытекающие из «во – первых», последствия! Давай подождем. Нам не «жмет». Сейчас дождемся вызова в отдел кадров, восстановимся на работе и будем оформлять документы на перевод к «себе»... – Голицын «проглотил» конец фразы, и подозрительно сощурился: – Кстати, Колян!...

Смирнов покосился одним глазом:

– Да?

– Фуй ли – «Да»! Я тебе анекдот рассказываю!

– Сань, ну что?

– Ладно... Для непонятливых... Я насчет перевода обратно к «нам»! Раз мы уже выяснили, что ты «в контакте» – может ты... А знаешь – нет, ничего не надо! Я сам, в штатном режиме, подам документы и буду ждать.

Николай усмехнулся:

– Снова обиделся! Вспомнил – и обиделся! Вместе подадим и вместе подождем! А еще – вместе, завтра на прием к полковнику Голубеву пойдем. ...Санек, мне никто вернуться не предлагал! Ты же знаешь – «использовать в оперативной работе» и «зачислить в штат с восстановлением в звании и назначением на должность», это «две большие разницы»!

Голицын откинул спинку сидения, устроился по – удобнее и шутливым тоном произнес:

– Ладно... Я «отходчивый». Вместе – это всегда хорошо! Ты, кстати, помнишь – нам еще за моей машиной заехать надо.

– Слушай! Ты, какой то «плюшкин»! У тебя куча денег! А, с учетом сегодняшнего..., я даже не знаю – как назвать, ты вообще – миллионер!

– Что то я не понимаю... Какое отношение все, что ты сказал, может иметь к МОЕЙ машине!? – Голицын поднял вверх указательный палец. – Это риторический вопрос! Едем за МОЕЙ машиной! И, это – рули аккуратнее, не дрова везешь...

г. Москва
м. Полежаевская
10 ноября 1993 года
Среда. 10 ч. 30 м.

– Разрешите! Здравия желаю, товарищ полковник! – Голицын вытянулся по стойке «смирно».

– Странно... Я вас раньше ждал. А второй где? – вместо приветствия, сказал Голубев, обычным, очень будничным тоном. Словно они виделись совсем недавно и он, все еще был самым непосредственным начальником Голицына.

– В приемной! Ожидает!

Полковник Голубев облокотился об стол и задумчиво окинул взглядом Голицына.

– Ты заканчивай, бравого солдата Швейка из себя карёжить. В штаны еще не подпустил – от восторга? – он поднял трубку, с телефонного аппарата без наборного диска, – Пригласите Смирнова. ...Голицын! Что растележился? Освобождай пространство – сейчас второй «клоун» представляться будет.

Голицын подошел к Т – образному столу, привычно отодвинул стул и сел на свое, правда, бывшее место, которое он занимал, когда то, на совещаниях и брифингах, проходивших в этом кабинете. Дверь кабинета распахнулась, и внутрь «вмаршировал» «парадным шагом» Смирнов.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Гражданин Смирнов, по Вашему приказанию, прибыл! – радостно проорал «гражданин».

– Присаживайся, ...гражданин. – Усмехнулся полковник и, обращаясь уже к обоим, продолжил: – Что – плохо без папы? Ладно, в любом случае – я рад вас видеть. Я собирался сам с вами связаться, но эти события... Здесь, у нас, кое – кто с большими звездами и жопой вместо головы, думал, что пронесет. И в каком то смысле, они оказались правы – «пронесло» так, что... Ну, в общем: «Мясо жрут – кости трещат». Зато сейчас – притихли! Все начальство – на «стреме»! Кто то «ставил» на «тех», кто то – на «этих»... Кто то проиграл, кто то – выиграл... Так, что – ждем'с! Вернее – это ОНИ ждут'с. Нас – «мелочь пузатую», это не коснется! «Рабочие кобылы», вроде нас, должны поддерживать подобие порядка на вверенном объекте, пока «большие дяди» рвут себе и своим оппонентам... разные интимные места. А пока у нас, своего рода «по men's land» – для «среднего» комсостава, для меня то есть, какие то вещи стали даже проще: под «шумок» «шкурные» вопросы «закрыть», ну, или – вас, например, восстановить. Я правильно понял суть вашего появления?

Голицын и Смирнов, практически одновременно, поспешили заверить своего начальника в его необычайной прозорливости.

Получив утвердительный ответ, полковник продолжил:

– Да, и еще! Спокойной жизни, как, пару лет назад, если не ошибаюсь, мечтал Голицын, в ближайшее время точно не будет! Скоро будет война, а вероятно, что и не одна. Есть информация... Кто то накачивает Дудаева деньгами. Причем, самое паскудное – кто то из России! Про «авизо», которые подтверждал и не обеспечивал ЦБ по Чеченской республике, надеюсь слышали! А вот то, что у них есть пособники в ЦБ РФ, надеюсь – нет! Потому, что это... пока секретная оперативная информация!... Сведения, из бывших республик которые до нас доходят – крайне неприятные! Некие эмиссары, проповедуют радикальный ислам, подбивают горцев на отделение и создание мусульманского государства..., шариатские суды эти..., травят сознание людей ваххабизмом, идет пропаганда национальной исключительности. В Гру-

зии беспокойно... Там замечены иностранцы, сильно смахивающие на военных советников и инструкторов, ну и тому подобная не слишком хорошая информация. Югославия... Но, самое паршивое – это то, что враг уже внутри страны и рвет ее на части! Скупаются и приватизируются стратегические промышленные объекты, теряется контроль над ресурсами! Кто все эти покупатели и новые собственники? Каково происхождение их финансовых средств? Кто их финансирует, и кто за ними стоит? ...Некоторые из них, конечно «наши» доморощенные «Остапы Бендеры»... Этих нужно просто – своевременно поставить на правильные рельсы, может даже – помощь оказать..., посильную. Взять, так сказать, под контроль сырьевую, энергетическую и финансовую безопасность родины, а попутно – тихонечко «закатывать под асфальт», всякую бладную шушеру, тоже, между прочим, неизвестно на кого работающую... Развелось их в последнее время... Но, самое главное – выявить тех деятелей, которых финансируют из-за «бугра!» – лицо полковника, приобрело мечтательное выражение. – И казнить! Публично и кроваво!

Голубев окинул взглядом аудиторию:

– Ну, собственно, это все – если кратенько. Работы много! Я еще не упомянул о наших межведомственных разборках, начинающих переходить в активную и весьма жесткую фазу..., – он тяжело вздохнул, прочистил горло и, понизив голос, добавил. – Да и внутри у нас, скоро начнутся..., танцы с саблями! Так, что вы мне нужны! Правильные кадры и хорошее планирование..., решают почти все. Вместе, у нас, как у «Шарика» – есть перспектива! Знаете – кто такой Шарик?

Полковник посмотрел на Николая.

Смирнов пожал плечами.

Голубев перевел взгляд на Голицына, давая понять, что готов услышать версию майора.

– Ваш друг!? – предположил Голицын.

Полковник обратился к Смирнову:

– А у тебя товарищ то, большой оригинал! Как вы с ним общий язык находите!?

Голубев перевел взгляд на Голицына:

– А? Голицын! Вот как Смирнов с тобой общий язык находит?

Голицын, искренне, пожал плечами:

– Не могу знать, товарищ полковник!

Голубев сделал вид, что не обратил внимания на «кривляние» майора, и продолжал, как ни в чем не бывало:

– Ну, ведь как то находит! Значит и я смогу! Как считаешь, а – Голицын?

Голицын ощутил – неуловимую, едва заметную перемену в голосе, поведении и позе полковника, но истолковал свои наблюдения в корне неверно.

– Сможешь Вова, конечно сможешь! – На самом деле, Голицын только сейчас перестал «паясничать». Он, о-очень редко, обращался к Голубеву – «товарищ полковник». В принципе, их отношения были... – больше товарищеские, чем служебные.

Лицо Вовы Голубева, вдруг, резко стало серьезным, в глазах блеснула «сталь»:

– Отлично, Саня. ЧТО С ДОКУМЕНТАМИ?

Организм майора вбросил в кровь невероятное количество адреналина! Сердце мощно «ухнуло», железы внутренней секреции увеличили количество серотонина, нейроны «забегали», мгновенно предоставляя нужную информацию, мозг просчитывал варианты. ...Но, недостаточно быстро...

– Пока на Петровке. Нам сказали, что сообщат, когда будет принято решение. – Голицын очень надеялся, что у него не перекосило лицо, и не сильно дрожал голос. А еще, что он не слишком долго думал. «Вот жук! И ведь – усypил! Твою мать! Все – таки Коля?! Или совпадение!? Ведь – на воре шапка горит!» – Голицын перевел взгляд на Смирнова:

– Коль, не помнишь, когда мы там были?

– Точно не помню, по моему, недели три назад. – Николай был «само спокойствие». То ли, он был гораздо более лучший актер, чем Голицын, то ли – не уловил сути вопроса полковника, а может, просто – не чувствовал себя «вором».

– Ну, значит, примерно через неделю, нас должны вызвать. – Голицын повернулся к Голубеву, и искренне надеялся, что выражение его лица «просто лучится безмятежностью».

Полковник Голубев, казалось, принимал очень близко к сердцу обсуждение сроков принятия решения отделом кадров МВД и дальнейших перспектив, сидящих напротив него друзей. Он кивал, переводил взгляд с одного на другого, что то помечал в своем ежедневнике, в общем, Голицын почти поверил, что Вова спросил его именно об этих документах... Почти...

Полковник достал из верхнего ящика стола предмет, в котором Голицын сразу опознал трубку телефона. Точно такую же, он видел позавчера, у мертвого водителя в бардачке.

– Смотри Санек. До чего техника дошла! Это не то, что мы в Афгане – с сорокакилограммовыми «ведрами» бегали, да! Р-163—1К, кажется. – Голубев покрутил телефон в руке: – Вот скажи мне, как спец по радио – электронной защите, этот аппарат работает на частоте NMT 450. Вот, что это значит?

Голицын, не то, что бы «все понял», но главное понял – Вова, В КУРСЕ! И обоснованность интереса Голубева, он – безусловно, признавал. Однако, решил дождаться абсолютно недвусмысленного вопроса. (Вопрос: «Что с документами?», к такому не относился! «С какими документами?»). Поэтому – «фарс» продолжался...

– Стандарт NMT – это американская аббревиатура, у нас эти частоты не использовались. Характеристика: связь не стабильна, нуждается в большом количестве ретрансляторов, в ВС не используется из за малого радиуса покрытия, однако, используемые, в настоящее время, устройства электро-магнитных помех, это диапазон не перекрывают, так как, предполагается, что вражеские ретрансляторы уничтожены в первую очередь.

– Вот, что значит специалист! Ай, да Саня! Ай, да молодец! А теперь скажи мне – при какой войсковой операции, ретрансляторы не уничтожают!?

Голицын даже испытал облегчение, понимая, что эта, в принципе, не достойная их отношений, ситуация – скоро разрешится. Так или иначе.

– Может, когда она проходит на своей территории, да еще и в столице...

Голубев, такое ощущение, чуть в ладоши не захлопал.

– Слушай, а все таки не зря, я считал НАС – самыми лучшими! Да, капитан Смирнов!

– Так точно. Мы и есть лучшие. Мы же живы... – Коля давно уже все понял, но помалкивал, на том простом основании, что его никто ни о чем не спрашивал.

Полковник, снова «сбросил» напускную веселость и сказал, видимо для разнообразия, тоном смертельно уставшего человека:

– Ладно, Санек – хватит! Ты – не Штирлиц, я – не Мюллер. У Воронова был сотовый телефон, он держал меня постоянно в курсе. Привлечь тебя – это мое распоряжение, – полковник кивнул в сторону Смирнова, – что, ты его прихватишь, я знал на все сто. На «Кропоткинской» ждал вас именно я. И как этой информацией воспользоваться, знаю тоже – только я. Поэтому – никто за вами не охотился и не пытался отобрать силой и ценой ваших жизней. План был с самого начала рассчитан, с учетом вашего участия. ...Причем, дружище, я открою тебе одну большую тайну! Помнишь февраль девяностого?... Конкретно, восьмое число!?

Голицын, честно порылся в памяти... и вспомнил.

...Буквально, через несколько месяцев, после окончательного прекращения всех операций на территории Афганистана, подполковнику Голубеву присвоили очередное воинское звание и, тут же, началось формирование группы для проведения какой-то особо секретной специальной операции, с новоиспеченным полковником во главе. ...В состав этой группы вошли: майор Воронов, майор Голицын и еще несколько, незнакомых Голицыну, офицеров, фамилии которых, Голицын уже не помнил. Их долго готовили..., зачем-то им пришлось проходить,

нетипичное по мнению майора, медицинское обследование... Их погружали в искусственный сон; мотали, как космонавтов, в центрифуге; делали какие-то инъекции, а потом брали кровь на анализ... Голицыну казалось, что их вот-вот отправят в космос, завоевывать какую-нибудь планету... Затем, внезапно все закончилось. Как это обычно бывает, без объяснения причин. Группу расформировали... А потом, ему стало некогда даже задуматься над тем, что это было. Через несколько дней, майор уже «жарился» под огнем в Фергане! ...Затем, были короткие, но очень кровавые операции в Сумгари, Нагорном Карабахе и Баку... В общем, об этом эпизоде, он начисто забыл, да и вообще, как-то не придавал ему особого значения – мало ли, что там начальству под фуражку задует... Не первый раз...

И вот сейчас, об этом, незначительном на взгляд Голицына эпизоде, ему напомнил полковник Голубев! А, учитывая контекст беседы... В общем, майор ничего не понял, но на поставленный полковником вопрос, ответил коротким утвердительным кивком.

Полковник, убедившись, что с памятью у его будущего бывшего подчиненного по-прежнему все в порядке, удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Именно поэтому, Воронов и привлек тебя к операции. Я скоро введу вас в курс дела! Скажу только, что, то, на первый взгляд сумбурное и бессмысленное событие, о котором я только что напомнил, имеет к тому, о чем мы с вами сейчас говорим, самое непосредственное отношение! ...Ты ведь не думаешь, что зная семь цифр кода, Валера не смог бы сделать того, что сделал ты. Наверное, ты сам спрашивал себя: «А почему он попросил тебя сделать, относительно несложную вещь». Ответ прост: ты и капитан Смирнов – учитывались на стадии разработки операции! Итак: где документы из кабинета 813? Достаточно четко сформулирован вопрос?

– Так точно. Вопрос сформулирован четко. – Голицын, уже не кривляясь и не паясничая, автоматически «переключился» на «уставное» обращение. – Документы у нас. С оригиналов было сделано три копии, одна из которых хранится у меня, еще одна – в «схроне» вместе с оригиналом и третья – у капитана Смирнова. Разрешите вопрос, товарищ полковник.

– Вольно, Голицын. Слушаю.

– Вместе с документами, были изъяты предметы, представ...

– Александр Сергеевич, – Голубев пощелкал пальцами перед носом Голицына, – ты, что – не русский, или переволновался? Ты нормально говори! Здесь все друг друга сто лет знают. Я тебе сам скажу, когда надо будет стать «смирно», пока не надо.

– Ладно. Воронов сказал, что все, кроме папок – наше. Там были деньги и алмазы. Не бриллианты, а необработанные алмазы...

– Сашок! Вы не самые бедные в мире люди, я – тоже не побираюсь. Раз сказал – значит ваше! В чем вопрос!

Документы далеко?

– Копия – у меня в машине. Могу притащить. А вот, оригинал – далековато. В Брянской области.

Голубев, побарабанил пальцами по столу, потом спросил:

– А почему ты еще здесь? Бегом марш, товарищ майор!

За те две минуты, пока Голицын бегом выполнял распоряжение полковника, тот сумел выкурить, аж три сигареты, беззастенчиво изъятых у Смирнова.

– Вова, ты, вроде не курил! – Голицын положил стопку бумаг на стол перед Голубевым.

– Здесь все? – Полковник затушил окурок об каблук ботинка и швырнул его в корзину.

В кабинете воцарилась тишина. Голубев просматривал бумаги очень сосредоточенно, некоторые откладывал, делал какие то пометки... Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – бумаги у того, кто знает, что с ними делать! Или, по крайней мере – понимает, что там написано. Голицын и Смирнов сидели бесшумно – ждали...

Полковник рассортировал документы, по каким то признакам, на четыре стопки разной толщины, каждую стопку поместил в отдельный скоросшиватель и убрал в шкаф.

– Документы все... Товарищи офицеры... – отлично, как всегда! За службу не благодарю – инициатива частная. Значит так... – Голубев посмотрел на часы. – Сейчас 13—30, среда...

Голубев поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Здравия желаю, полковник Голубев... Геннадий Григорьевич, мне срочно!... – Вова прикрыл трубку рукой и шепотом пояснил товарищам: «Мордачеву...».

Голицын, после того, как услышал: «Геннадий Григорьевич» – в пояснениях уже не нуждался. Геннадия Григорьевича знали, наверное, все. И он, как казалось Голицыну – был всегда! Причем, Голицын не понимал, как не старался – какую должность занимает этот человек! Одни говорили, что он был их преподавателем в Академии им. Фрунзе и выучил половину состава Генерального штаба и Московского военного округа, другие – что он является заместителем командующего Московским военным округом по, чему – то там. Голицын же, его знал, как постоянного и неизменного секретаря, или адъютанта Мордачева. Свои «обязанности» на этом поприще, Геннадий Григорьевич исполнял не хуже, чем Цербер в царстве Аида. При этом, сам Мордачев, по его же собственным словам, был из числа его «выпускников» и, к тому же – ниже по званию!

– Здравия желаю, товарищ генерал – майор. Голубев побеспокоил.

«А-н, нет! Видимо, за два года Мордачев, все таки обогнал в звании своего адъютанта! Надо же – генерал – майор». – Голицын не был – ни завистливым человеком, ни карьеристом. К деньгам тоже относился... – больше, все таки, равнодушно. Но, как и у каждого человека, был и у него свой... «пунктик». Ведь, звания, как считал майор – не только отражают количество лет, проведенных на службе Родине. Это, также, и степень ответственности, и уровень информированности и доверия к тебе, как к специалисту и... много чего еще! «Пунктиком» Голицына было то, что на его «счете», как он считал, было не меньше, чем, скажем, на – Голубева, или того же – Мордачева. Надо сказать, что пару – тройку «операций» – Голицын «вытянул» на себе. И если бы не он со своими парнями – еще большой вопрос, как бы, тогда, «выглядели» все его, нынешние, «отцы – командиры»! Конечно, существует еще и градация, где учитывается: «уровень» операции, степень ее «актуальности», политические и экономические «последствия» и так далее, но... Он тоже – не жалея, рвал свою шкуру, но все еще ... – майор. Обыдно да! О том – почему, он два срока проходил в «капитанах», Голицын предпочитал не вспоминать – дело прошлое, но один из виновников в этом, сидел сейчас рядом с ним. (Смирнов и Гольман, однажды, переборщили с удовлетворением своего любопытства... И задержанный скончался! А, капитан Голицын, именно в этот день, был оперативным дежурным по части... Товарищей он, конечно не сдал, но это происшествие, на долгие четыре года, отсрочило его продвижение по службе.) Зато стал умнее! А заодно, понял, что «благородство» – весьма сомнительная «добродетель».

Голубев повесил трубку. Лицо его выражало... недоумение:

– Хм, а я и не знал, что вы такие известные личности! ... Невероятно, но факт: генерал – майор Игорь Васильевич Мордачев передал вам – обоим, ... что совсем странно, «привет». И заверил меня, что для вас, он приложит все свои, немалые я думаю, силы и связи, дабы, максимально ускорить процесс: «возврата блудных сыновей отечества», – это цитата, между прочим... – Лицо полковника приобрело, слегка брезгливое выражение. – Вы ему, что, массаж ног каждый вечер делаете?

Мимика, жесты, да и сам вопрос полковника рассмешили Голицына. Он, стараясь не рассмеяться, сделал вид, что чешет подбородок и, придав голосу максимальную серьезность, сказал, кивнув в сторону Смирнова:

– Колян подрабатывает! – Голицын косил взглядом в сторону Смирнова. – Но, он..., это, Вов – только для генералов! Полковникам – ему «понятия» не позволяют! – майор шустро вскочил и выставил перед собой стул, когда разъяренный Смирнов попытался достать его, через стол.

– Ладно – ладно, Коля! Что ты «завелся»? ... А, что, я вроде... – Голицын сделал вид, что его «осенило». – Блин, Коля – извини! Ну откуда я знал, что ты полковникам тоже делаешь?

Смирнов сел на место. Оценив шанс поймать верткого майора, как «низкий», он угрожающе сказал:

– Мне вот, интересно – ты, чё, бессмертный, чтоб так шутить? Нам ведь вместе отсюда уходить! Ты бы, прямо сейчас в ритуальные услуги позвонил – церемонию себе заказал, местечко застолбил! Что б, мне потом, меньше хлопот было. У тебя ведь, родственников нет..., или есть? ...Слушай, Санек!... Я тебя знаю с... семьдесят седьмого! – Он подозрительно прищурился и обратился к Голубеву: – Владимир Анатольевич! А ты не знаешь – есть у нашего товарища родственники или нет? Я вот с ним дружу... без малого, двадцать лет, и – ни одного в глаза не видел!

Полковник рассмеялся, а затем, назидательным тоном изрек:

– Вот, видишь Голицын – всего одна, твоя идиотская шутка, и что получается?...

– Что получается?

– Что ты предатель и особо опасный шпион, работающий на Попуа Новую гвинею!... Оп! Вот видишь, как тебя быстро раскололи! Стоило, только, ляпнуть лишнее...

– «Раскололи» – да, ... – передразнил полковника Голицын. – Это, интересно, что? Ваш – дедуктивный метод! Очень похоже на то, что если у тебя нет спичек – значит ты пассивный гомосек! Поделитесь «логикой»...

– А вот это – нет! ... Тогда ты сам полковником станешь! Кем я, тогда, командовать буду!? Ладно. К делу! – в голосе полковника Голубева, вновь, зазвенела «сталь».

Голицына всегда поражала эта способность его командира: мгновение – и это уже совершенно другой человек, перечить или ослушаться которого, рискнул бы, только, полный кретин..., ну, или, человек, с полностью уничтоженным воображением, в купе со всеми базовыми инстинктами.

– Сегодня среда, – продолжил Голубев. – Жду вас в понедельник. Обходные и рапорты, по прежнему месту работы – подписать; удостоверения и имущество, если «висит» – сдать. Генерал дал обещание, что ускорит процесс! Медицинскую комиссию – пройти. Надеюсь – новых травм, не совместимых с жизнью, ни у кого не появилось! Второе. Я о «наших» документах! Их никто не должен обнаружить! Не намеренно, не случайно! Места хранения отвечают этим требованиям? – Получив два утвердительных ответа, продолжил: – В идеале – надо все уничтожить! Но..., пока терпит. И еще... – купите себе по сотовому телефону! Дороговато, конечно, но, полагаю, средствами вы располагаете.

– А где они продаются? – спросил Смирнов.

– ...В общем..., въезжаешь на Таганскую площадь, с внешней стороны садового кольца, и первый поворот направо, это в сторону Волгоградки. Там, на первом светофоре – под стрелку «налево» – разворачиваешься в сторону Центра и находишь дом с номером семь. Вход со двора. Компания называется «Мобайл – телеком», а рядом – «Московская сотовая связь». В «Мобайле» продают ... «пейджеры», но это... брать не надо, а в «МСС» – телефоны. Подключают там же. Не поленились – прямо сейчас и двигайте. Вот мой номер – наберите... Очень полезная вещь. Все, свободны.

...Остаток среды и следующие два дня были... – бюрократическим адом! И это, при том, что «кадровиков», «сверху», очень попросили: «максимально ускорить процедуру!» Голицын действительно удивился, что у них, все получилось так... оперативно, когда они в 18ч., 15мин., пятницы, покидали здание на Петровке. Дело в том, что по регламенту межведом-

ственных переводов в 1993-м году, медкомиссию необходимо было проходить по месту фактического несения службы на момент перевода. То есть – на проспекте Вернадского... Честно говоря, Голицын думал, что в понедельник, ему придется оправдываться и объяснять Голубеву о «невозможность выполнения поставленной задачи», в следствии проволочек, задержек и наплевательского отношения со стороны... всех, когда они в 17:47, стали, наконец, счастливыми обладателями результатов медицинского обследования. Оправдание – не самое лучшее «начало»... Но они, каким то чудом, успели! И это – правда! В пятницу! Вечером! От пересечения проспекта Вернадского с улицей Лобачевского до улицы Петровка – за одиннадцать минут! Не известно – как Смирнов, а Голицын об этом «рекорде», не собирался рассказывать никому! «Все равно не поверят, а выглядеть „треплом“ – не хочется» – решил майор и забыл об этом. В общем, они успели сделать все, и, в понедельник, их ожидало «новое» старое место службы.

Что может быть прекраснее субботнего утра!? Когда сделаны все дела! На горизонте маячат, пусть и туманные, но – перспективы! ...Ты сделал зарядку, выпил ХОРОШИЙ кофе! В квартире – чистота и порядок! И ты можешь, наконец то, отдохнуть! Почитать книгу! Или – посмотреть телевизор... Чтонибудь приготовить, а потом, с наслаждением – съесть... Примерно до часа дня, Голицын думал, что это прекрасный день, несмотря на то, что сегодня тринадцатое число, и... – «розовую» идиллию майора прервал какой – то странный звук, более всего, напоминающий... звонок в дверь! Но, эпицентр, почему то, находился в ...шкафу. Сотовый телефон, голосом полковника Голубева, в один момент, и одной фразой: «У нас проблема. Через тридцать минут на нашем месте.» – обосрал этот прекрасный субботний день. Голицын зло посмотрел в маленький экранчик аппарата, потряс его и вознамерился поведать «электронному паршивцу» – что он обо всем этом думает! Но, адекватность победила – он передумал, и стал быстро одеваться.

«Их местом», уже лет десять, была площадка для технического осмотра автотранспорта на Карамышевской набережной – тихое и уединенное место на берегу Москва – реки. От дома №28 по улице Народного ополчения, где Голицын год назад купил квартиру, до Карамышевской набережной – пятнадцать минут пешком. Но, он поехал на машине. По времени – столько же, но гораздо теплее.

Полковник «припылил» точно через тридцать минут. Голицын подъехал чуть раньше, он уже вышел из машины и, не торопясь, прохаживался по площадке. Заблаговременный приезд и неторопливое дефиле, были обусловлены двумя причинами. Первая – это предварительный осмотр места встречи, а вторая, настоящая – это вымытая и пропылесосенная машина Голицына, которую он собирался сохранить в таком виде, ну, хотя бы дня три, а грязные ботинки полковника Голубева, могли превратить в «пшик» и эти чаяния. Поэтому, Голицын решил выслушать о проблемах в машине полковника. Заодно и наследить там – по больше! Маленькая месть за испорченную субботу!

Полковник начал «с места в карьер»:

– Бывший обитатель кабинета 813 начал «шевеление». Сегодня придется поработать... Звони Садисту и в 20:00 встречаемся около кинотеатра «Минск» на Можайке.

– Он, что – на нас вышел? А как?

– Саша! Не тупи! При чем здесь – мы!? Он «прессует» Даниловского!

– ...

– Все эти бумаги, без Даниловского – ... нет, не мусор, и даже не близко к этому. Но, Даниловский... – важен. Очень важен! Бумаги мы, у этого деятеля «отжали» – он насел на Даниловского. Но Даниловский, хоть и является автором «проекта» – без расчетов, которые у нас, моментально сделать ничего не сможет. Но, при соответствующем «стимуле» – рано или поздно, скорее – рано, воспроизведет результаты еще раз. После чего – его «кончат», а нам придется идти о-очень длинным «путем». А «этот урод», уже будет в «дамках». Как полага-

ешь – даст он нам «дойти»! Есть правда еще вариант – мы этими бумагами сможем подтереться. Суть уловил?

– Да. Разрешите вопрос?

– Давай.

– А кто такой, этот – «ОН»?

– ...Семирылый восьмиух! Еще вопросы?

– Вопросов нет.

– Значит – в восемь. «Матчасть» моя. Инструктаж по дороге. Все, действуй!

«Похоже, полковник мандражирует! Признак – не хороший! Командир всегда должен оставаться с ... – с чем?... С холодным задом и липкими руками? Да, кажется так! С другой стороны – откуда я знаю, сколько времени, сил и средств, он на это угрохал! Я, кстати, и сам, не „само спокойствие“! Идея то – грандиозная! Просто для Вовы, это, наверное, уже финальная часть „Марлезонского балета“, вот нервишки и проявляются..., а я, до сих пор, воспринимаю, все „это“ – абстрактно, наверное.» – майор посмотрел, как машина Голубева унеслась прочь, и неторопясь пошел в сторону своего транспорта, по пути решая, как, с пользой провести, оставшиеся пять с половиной часов. Неожиданно, раздался «звонок в дверь» из левого кармана куртки. «Тьфу ты, ...зараза!» – Голицын еще не привык к «гаджету», и постоянно «пугался», когда тот, «подавал голос».

– Да, Коля! Прием!.. В смысле: алло!

– Привет, Санек!... А как ты узнал, что это я? У этих телефонов же, нет определителя?

– Все просто! Этот номер знают всего два человека. Одного, я минуту назад видел! Значит, звонит второй! Ты – во время! Давай ко мне. У нас сегодня... работа. Начальство «нагрузило»!

– «Полкан»?

– Ну, другого у нас, уже, вроде как, и нет.

– Да-а... А я думал – пива поьем, в шахматы поиграем... Суббота же!

– Я, вообще то, тоже... – думал! Но, не судьба! Ладно, через сколько будешь?

– Минут... двадцать пять.

– Все, давай. Жду.

Без пяти восемь, они уже стояли на автобусной остановке, около кинотеатра «Минск». Машину Смирнова они оставили на парковке, около входа в большой магазин, с обезличенным названием «Можайский». Из багажника забрали две спортивные сумки со своим, обычным, для этого типа мероприятий, снаряжением, и стали похожи на... двух мужчин, направляющихся в спортзал (покидающих спортзал). Благо, что буквально в двух шагах, находился огромный спорткомплекс «Крылья советов». Оптимально для того, чтобы не бросаться в глаза. И если бы, у кого то, возникло вдруг, желание..., ну и, возможности, конечно – осмотреть содержимое этих спортивных сумок, то ничего необычного, они бы там не обнаружили. Возможно, набор спортивной одежды, показался бы им... – «сумбурным», в частности, наличие хоккейных наколенников и налокотников, при полном отсутствии коньков и клюшек! Но... – это и все!

Полковник прибыл..., ни за что не угадаете – ровно, в двадцать ноль ноль! «Вот как у него это получается!?! Такое ощущение, что он прячется где то рядом, а за пятнадцать секунд выскакивает, как черт из табакерки... Вот уж, действительно – пижон!» – Голицын, естественно, в слух ничего не сказал. Просто глянул на часы, хмыкнул, подхватил сумку и направился к машине. Полковник приехал на микроавтобусе «Фольцваген», грязно – желтого цвета, с литовскими номерами.

– Привет всем, кого не видел! А сумки вам зачем? Я же сказал, что все снаряжение, есть! – сказал Голубев, когда товарищи погрузились в машину.

– Ну – запас карман не тянет... – Голицын кряхтел и возился в пассажирском отсеке, пытаясь устроиться по – удобнее. Мешала, какая то штука, сильно напоминающая прожектор. Да, собственно, это и был – прожектор. Голицын решил, что полковник, просто напросто, спер этот автомобиль, а прожектор просто не потрудился выбросить.

– Ну, да – ну, да... Ладно, свое барахло – в сторону. Вон, там, сзади... Разбирайте, примеряйте... И внимательно слушаем! ...Значит так. Когда «объект» выдвинется – нам сообщат. Сейчас он в Кубинке, ехать будет по Минскому шоссе, с вероятностью девяносто процентов. Мы «перекроем» его чуть дальше Лесного городка. Место глухое, дорога в этом месте – не освещается, и имеет левый изгиб, примерно в двести тридцать градусов, со стороны движения «объекта». Капитан Смирнов, с ПНВ, занимает позицию...

Друзья слушали, и одновременно с этим, не спеша, «облачались»: сначала, в кальсоны и футболки с длинным рукавом из хлопчато-бумажной ткани; затем – в шерстяное белье толстой вязки; поверх всего этого – брезентовые штаны и куртку; дальше шла очередь наколенников и налокотников. Очень полезные вещи! Голицыну, подсказал идею их использования, один прапорщик из ВДВ, еще в восемьдесят четвертом, в Афганистане. С тех пор, майор, «в поле» без них не выходил. И в завершении – масхалаты «лохмашки». Они, привычно, подгоняли снаряжение так, чтобы нигде не тянуло, не давило, не кололо и не резало. «Ну, полковник! Ну... штабная крыса! Привез!!! Черт – е – что, и с боку бантик! З-а-ч-е-м в-а-м с-у-м-к-и...» – ворчал майор, про себя, естественно. Их сумки, вернее содержимое, конечно же, пригодилось! Иначе, они бы бегали... только в масхалатах, ботинках и «разгрузке». «А „разгрузка“ зачем?! Ну, Вова!» – майор не переставал удивляться. Единственное, чем они воспользовались из привезенной амуниции – это масхалаты. Все остальное было свое. В принципе, масхалаты, у них тоже были. Свои собственные, сделанные «под себя». Обувь менять тоже не стали. Опять же, сказывалось «влияние» Афганистана! Оба привыкли к кроссовкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.